

Долг наемника

Автор:

Евгений Шалашов

Долг наемника

Евгений Васильевич Шалашов

Хлеб наемника #4

Много лет назад граф д'Арто стал «псом войны» Артаксом. Дорога привела его в волшебную страну, где он нашел дом и любимую девушку. Но свадьба опять откладывается, потому что Артакс не может отказаться исполнить просьбу правителя – отыскать пропавшего сына. И бывшему наемнику придется вернуться туда, где его когда-то предали.

Евгений Шалашов

Долг наемника

Глава первая

Стучат, откройте дверь!

Я сидел в кабинете, потягивая кофе из тонкостенной чашечки. Эту чашку где-то отыскала Курдула. Хотелось сказать, что весь дом спит, но я в доме один. Томас и Курдула в своем флигеле, а Гневко, окончательно выздоровевший, в конюшне.

Кэйтрин обитает в городе. От гостиницы фройляйн категорически отказалась, пришлось снимать ей дом, нанимать слуг. Наверное, вымотавшись за день, новоиспеченная баронесса, дрыхнет без задних ног. Курдула говорила, что девчонка хотела ринуться в Шварцвальд, чтобы отыскать там незадачливого жениха. Еще бы пара дней, так точно, рванула бы...

Поначалу я не хотел рассказывать Кэйтрин, что ее брат сошел с ума, убил отца и покончил с собой. Боялся, что не поверит. К счастью, девочка поверила. Плакала несколько дней, кричала на Томаса с Курдулой, требовала расторгнуть нашу помолвку – негоже сестре отцеубийцы и самоубийцы выходить замуж, но потихонечку успокоилась. Да и дел у баронессы Выксберг было много. Имение, приобретенное мною для Кэйтрин, было неплохим, но запущенным. Земля ничего не давала, свинец никто не добывал, а крестьяне потихонечку разбегались. Поначалу, баронесса собиралась перевести пейзаж с барщины на оброк, но хорошенько подумав, она просто ... отпустила всех на волю. Заняв денег у Мантиза (у меня она брать не хотела – мол, сама умная), баронесса прикупила еще парочку вымороченных участков, где имелись залежи свинца, а потом стала нанимать всех желающих, выплачивая им твердую зарплату по результату выработки, а сам металл успешно продавала. Главными покупателями, как водится, были гномы. А уж удалось ли им выторговать льготы, нет ли, не интересовался.

Из-за этого участка земли, богатого свинцом, я сегодня и не спал. Все-таки, пока учился в университете (ох, как же давно это было!), в моих испорченных мозгах застряли кое-какие знания – помнил, например, что во времена Старой империи, свинец использовался в водопроводных трубах. А наш профессор истории уверял, что падение империи связано с падением нравов, а это в свою очередь, связано с использованием свинцовых труб.

И почему я запомнил именно это? Может, на самом-то деле знания никуда не пропадают, а прячутся глубоко-глубоко, а всплывают по мере необходимости? Но все ли я правильно усвоил? За последние двадцать лет сталкивался со свинцом нечасто – ну, понятно, шары для аркебуз[1 - Не путать с аркебузой! Аркебуз, по сути, арбалет, стреляющий свинцовыми шарами (при желании, можно и камнями).], переплеты витражных окон (в сожженных замках свинец красиво стекает вниз, а витражи лопаются!). Какая связь между свинцом и падением нравов?

Посему, поехал искать книги. В моей любимой букинистической лавке (а уж как там меня любили!) предложили трактат, как превращать свинец в золото. Полистал, похихикал – чтобы получить унцию золота, нужно потратить около ласта свинца[2 - Ласт – около 770 кг.], но купил. Когда уже совсем отчаялся, на глаза попался небольшой том Витрувия, чье имя я помнил со слов профессора Тотьянины. Это было то, что мне нужно – трактат о вреде плюмбума. Купил и эту. А заодно, прихватил увесистый том, со странным названием «De magia naturali» не имевшая ни имени автора, ни выходных данных. Купил ее просто потому, что на полках моей библиотеки еще достаточно места.

И вот, сижу всю ночь, изучая старинную книгу. Выяснил, что свинец пагубно влияет на нервную систему, почки, органы кровообращения. У женщин увеличивается риск родить мертвого ребенка! Симптомы отравления свинцом – землистый цвет лица, серо-лиловая полоса на деснах, а также отсутствие аппетита. Хм, а мне показалось, или нет, что Кэйтрин меньше ест?

Бывает, что семьи еще нет, а семейные дела уже появились. После моего возвращения из Шварцвальда, слез и объятий, дражайшая невеста наотрез отказалась жить со мной в одном доме – дескать, не соответствует приличиям. А когда я напомнил, что мы регулярно забывали о приличиях, наморщила носик, сказала: «Фи!» (мы еще разочек нарушили приличия), но утром потащила меня к патеру, на исповедь. Я, разумеется, упирался, но только слегка. Коль скоро Кэйтрин считает, что так надо, значит так надо! Я уже заранее смирился с мыслью, что в нашей семье мне уготована роль подкаблучника. Жалко мне, что ли? Как я мог судить, в хороших семьях именно жена и верховодит. Другое дело, что умная женщина не выставляет напоказ свое превосходство, позволяя мужу играть в главу семьи. Патер тоже был умным человеком. Он, разумеется, наложил на нас епитимью, но грехи отпустил, потребовав, впрочем, чтобы больше до свадьбы ни-ни... Посему, пришлось искать дом для Кэйтрин, чтобы не было соблазнов. Увы, плоть человеческая слишком слаба.

Еще одна забавная вещь. Дворянские семьи, которые после упадка рода Йоргенов делали вид, что не знают о Кэйтрин фон Йорген, после появления баронессы Выксберг, вдруг вспыхнули к ней дружественными чувствами. А так как далеко не все знали, что Кэйтрин помолвлена с неким Артаксом (уже и не наемником вовсе, а вполне добропорядочным землевладельцем), то баронессе дважды делали намеки о том, что юной девушке тяжело одной распорядиться деньгами. Одним из потенциальных женихов был сам барон Выксберг. Ради такого случая барон умылся и, два дня оставался трезвым. Узнав, что у новой

владелицы его бывшего поместья уже есть жених, барон всерьез собрался послать тому вызов на дуэль, но узнав имя будущего мужа, поскуучнел и передумал.

У патера я побывал сразу же по возвращению из Швардцвальда. Помнится, во время моей исповеди, святой отец долго таращил глаза, слушая рассказ о маленькой эльфийке, убитой в незапамятные времена, о смерти рыцаря Йоргена, о самоубийстве Александра. Пришлось даже рассказывать о наших отношениях с Папушей. Очень надеюсь, что тайна исповеди все-таки соблюдается и, история с цыганкой так и останется нашей тайной. После Шварцвальда она и ее дед решили куда-то уехать. Что ж, может оно и к лучшему. Глядишь, старый цыган найдет себе занятие по душе, а девушка выйдет замуж за достойного человека.

А ведь мне долго еще мерещился старый каменный дом, проросший желтым лишайником, мертвая девочка – белое лицо, белые глаза, без зрачков, шептавшая «Мне холодно!», на полузабытом языке. Не знаю, чтобы произошло, если бы не Шоршик, умевший появляться в самую нужную минуту.

Кофе-кавы осталось на донышке. Можно бы сварить еще, но лень. Надо спускаться вниз, идти на кухню, разводить огонь. К тому же, если выпью еще чашку, то вообще не засну, буду ходить целый день как вялый тюлень и зевать. И, разумеется, получу выговор от невесты!

Дверь заскрипела. Я ждал этого звука, но все равно он оказался неожиданным. От сердца отлегло – в кабинет входил Его Сиятельство Шоршик. Ткнув меня мордочкой, кот устроился в кресле напротив.

– И что ты мне скажешь? – поинтересовался я, не особо надеясь на ответ.

– Не видишь, котик спать хочет, – услышался укоризненный голос.

Я чуть не подскочил.

– Ты бы хоть предупреждал, – упрекнул я брауни.

– А как я тебя могу предупредить? – поинтересовался старик. – Я ж, как-никак, душа дома. – Помотав кудлатой башкой, кивнул: – Ладно, в следующий раз, я вначале шумну – что-нибудь на пол уроню.

Представив, как будут ночью падать латы или тяжелая книга, я только махнул рукой:

– Пусть все по-старому будет.

Но было уже поздно! С полки упал увесистый том.

– Ух ты, как здорово получилось! – обрадовался домовой.

Пришлось вставать, подбирать упавшую книгу. Бегло посмотрел на обложку, хмыкнул. Это был трактат под названием «De magia naturali». Верно, купил ее из-за переплета, да чтобы занять место на полке. Увы, книга была писана не на «кухонной» латыни, которую я худо-бедно знал, а на «высокой». Нам ее, разумеется, преподавали, но я, скорее всего, пропустил лекции. Еще хорошо, что сумел перевести название – «Природная магия», перевернул пару страниц и поставил в шкаф.

– Дай картиночки посмотреть, – потребовал брауни.

А я даже и не знал, что в ней есть рисунки. Подойдя к моему столу, старичок взял книгу, полистал ее и, показал мне три неплохих гравюры, вклеенные внутрь. Вот, длиннородый старик в плаще с капюшоном (явно, природный маг!), тычет посохом не то в кусты, не то в карликовые деревья. Вот, этот же старик воздел ввысь левую руку, обращаясь к тигру. И третья, последняя гравюра изображала мага, вздевшего правую руку. Но теперь перед ним стоял человек.

– А картинки-то хорошие.

Про картинку, сиречь, гравюры, я и сам понял. Хотя бы не так жаль потраченных денег (смешных, по сравнению со Швабсонией, но я уже начал мерить здешними реалиями).

– Случилось что? – поинтересовался я.

– А что, мне нельзя просто так в гости прийти? – обиделся брауни. – Может, я к тебе на чашечку кофе зашел? Вон, картинки посмотрел.

И впрямь. Почему бы порядочному домовому не зайти к хозяину дома на чашечку кофе и не посмотреть гравюры? Имеет право!

– Ты кофе с сахаром будешь пить, или нет? – поинтересовался я, вставая с места.

– Ну, кто же кофе с сахаром пьет? – возмутился брауни. – Сиди уж. По запаху чую – не умеешь ты кофе варить!

Закряхтев, косматый старичок решительно заковылял к двери и, не дойдя до нее несколько дюймов, исчез.

– И куда это он? – растерянно спросил я у котика, но тот лишь приоткрыл один глаз, подмигнул мне и, снова заснул.

Не успел я усесться на свое место, как появился брауни, держащий в ручонках небольшой серебряный поднос с двумя крошечными чашечками кофе.

– Только не спрашивай, где взял, – сердито предупредил брауни, поставив поднос на стол.

– И не собирался! – честно ответил я.

А зачем спрашивать, если и так понятно, что стащил. Не может такого быть, чтобы домовый научился кофе варить!

Я хотел уступить старику свое кресло (ну, не кота же сгонять!), но брауни сумел как-то устроиться рядом с Шоршиком, не потревожив мохнатое сокровище.

Вот так мы и сидели, пили кофе, а я ждал, но так и не дождался. А кофе, надо сказать, был замечательный – мне такой ни за что не сварить. Жаль, чашка маленькая.

- Чашку отдай, - потребовал брауни.

Домовой поставил грязные чашки на поднос, огляделся - не забыл ли чего и исчез. И чего, спрашивается, приходил? Кофе попить? И подносик, кстати, мог бы оставить. Я бы его Кэйтрин подарил.

И тут, в дверь застучали. Ну, какая зараза прется, если еще даже не рассвело? Коль слуг у меня не было, пришлось идти самому. К моему удивлению, стучал мостостроитель. Ну, совсем охамели шойзели, спать порядочному человеку не дают! Но дверь пришлось открывать. Знаю, что парень понапрасну бы не пришел.

- Привет Тыр - Дыр, - поздоровался я.

- Дыр-Тыр, - поправил меня шойзель. И, не преминул укорить: - Вот, постоянно вы, люди, нас путаете. То гоблином обзовете, то троллем. А ты, господин Артакс, никак мое имя не выучишь! Стыдно.

- Ну, извини дружище, - развел я руками. Хотел похлопать мостостроителя по спине, но тянуться высокогато, да и шерсть у него была мокрой.

- Может, внутрь войдешь? - пригласил я, сомневаясь, что такой гигант поместится в моем доме. Но мостостроитель, к моему облегчению, сам не пожелал входить в человеческое жилище.

- Такое у меня дело, хозяин, - потупился шойзель. - Невеста моя в мужья меня отказывается брать.

- Это еще почему? - любопытствовал я. - Мост ты отстроил, чего ей еще нужно?

Все-таки, хотя шойзель и относился к другой расе, но мужская солидарность чего-то стоила. Сейчас шойзелиха откажется, потом Кэйт мне отворот-поворот даст. Непорядок!

- Она говорит, - всхлипнул Дыр-Тыр, - Что я с человеческими девками шашни кручу. Мол, медяков мало, потому что девки натурой проезд по мосту

отрабатывают.

Какой доход приносил мост, я не знал. У меня была договоренность с шойзелем, что первые три года все «мостовые сборы» идут ему, на обзаведение хозяйством. Я бы совсем отказался от налога, но порядок есть порядок.

- А ты? - спросил я. Если честно, мне было жуть, как любопытно.

- Да ты что, хозяин?!

Возмущение Дыр-Тыра было так искренне, что я поверил.

- Мост еще всего месяц, как открылся. За день одна-две повозки пройдут. И то, в долг пропускаю.

- Не верит?

- Верит-то верит, но сомневается. Говорит - подождать нужно, чувства проверить. Но если я еще подожду, то точно, по девкам человеческим пойду.

Я с сомнением посмотрел на кожаный фартук, прикрывавший «хозяйство» шойзеля. До Гневко, конечно, далековато, но все-таки... Но, кто же их, девок знает?

- От меня-то ты что хочешь? - не понял я. - Сходить к твоей невесте, убедить ее, что ты парень честный?

- Тебе не поверит, - вздохнул шойзель. - Скажет - все мужики одним миром мазаны, друг друга выгораживать горазды.

Точно. Женщины тоже все одинаковые. Будь она хоть наследницей старинного рода, хоть шойзелихой. Надо бы спросить господина Мантиза Инсекта - а как обстоят дела в мире насекомых? У богомоллов, кажется, самка своему самцу башку отгрызает? Или у кого-то еще? Или у богомоллов, ставших разумными и огромными все не так?

М-да, женщина скорее поверит женщине. Стоп! А где же моя повариха-домоправительница?

Курдула, словно подслушав мои мысли, бодро семенила к дому. Видимо, собиралась готовить завтрак.

Вместо того, чтобы испугаться шойзеля, старуха кокетливо похлопала того по шерстяной заднице, ввергнув бедолагу в смущение. Хихикнула:

- Эх, где мои пятьдесят!

- Почему пятьдесят?

Кажется, спросили одновременно с шойзелем.

- В двадцать - страшно, в тридцать да сорок, муж с детками, не до того. А пятьдесят - самое то. И опыт у бабы есть, и желание. Только вот, на нее самую желающих мало, - вздохнула повариха, - морда не та, титьки отвисли и зубы выпали.

Ну бабка! Не удивлюсь, если узнаю, что она умудрялась крутить шашни и с шойзелями, и с троллями! Главное, чтобы старый Томас об этом не узнал. Хотя, какая теперь разница?

- Лучше скажи - сможешь убедить подругу Дыр-Тыра, что у него романов с нашими девками не было?

- Чего не было? - не поняла повариха.

- Ну, шашней.

- А, так бы сразу и сказал, а то романы какие-то, - ухмыльнулась Курдула. - А завтрак кто будет вам готовить?

- А что там его готовить? - пожал я плечами. - Томас-то уже встал? Мы с ним яичницу с салом сообразим, вот и все.

Вот тут мы со старым Томасом были солидарны, хотя наши женщины нас не понимали. Дескать, как можно есть яичницу с жирным салом? А оно еще и воняет!

- А что мне потом фройляйн Кэйтрин потом скажет? Вы что, свою невесту не знаете? - фыркнула Курдула.

Свою невесту я знал. У Кэйтрин не забалуешь! Коли велела слугам кормить Артакса завтраками-ужинами (обедали мы с Кэйтрин в городе), значит, будут кормить. - Ну, объясним ей, что мост в опасности, - нашелся я.

- Ладно уж, пойдем, - потянула Курдула громилу. - Объясню твоей невесте, что человеческие девки с шойзелями шашни крутить не станут. Себе дороже! Коли от такого жеребца родишь, помрешь при родах!

Когда рассвело, я решил-таки лечь - спать до полудня сложно, но вполне возможно, раздался стук открываемой двери, грохот шагов, громкие голоса, а потом какие-то звуки, напоминавшие лязг металла. Похоже, в мой дом ввалилась банда грабителей и они сейчас занимаются тем, что срывают со стен обивку, упихивают в мешки столовую посуду и роняют на пол доспехи предков! Да, а разве внизу висят доспехи? Неважно. Ну, я сейчас им покажу!

Схватив подвернувшийся под руку канделябр, я выскочил в коридор и, уже собиравшись парой прыжков одолеть лестницу со второго этажа на первый, как услышал голос Кэйтрин:

- Ты уже за меч схватился?

- Почти, - буркнул я, но канделябр, на всякий случай, из рук не выпустил.

Спустившись вниз, обнаружил, что шумит целая команда женщин, занимающаяся чисткой посуды.

- Ты уже встал, или еще не спишь? - поинтересовалась невеста.

- Как раз собирався, - буркнул я.

– Ага, собирался он... Все порядочные люди уже встали.

– Коров доят, сено косят, – поддакнул я. Подумав, добавил: – А еще оглоблю строгают.

– А еще, – стукнула Кэйт меня кулачком в грудь, – добрые люди герцога ждут.

Оглянувшись – не видят ли работницы, быстренько чмокнула меня в губы.
Увидели!

– Давай-давай, девка, не теряйся! – посоветовал кто-то из женщин. – Он еще ничего!

Кэйтрин, словно ошпаренная, отскочила от меня, развернулась и гневно принялась высматривать – кто же это сказал? Но женщины отворачивались, старательно пряча усмешку и, принимаясь еще более старательно надраивать котелки, чашки и плошки, протирать и без того чистые стекла.

Мне и самому стало смешно, хотя задело, что я «еще ничего». Но правильно, для двадцатилетней девчонки (хотя, а сколько на самом-то деле моей невесте лет?), мужчина под пятьдесят – не самая лучшая партия.

– Так что там с герцогом? – отвлек я внимание фройляйн от тружениц, уже успевших перемыть и перечистить всю кухонную посуду и мебель, а теперь принявшихся драить пол.

– В Урштадт прибывает герцог Силингии! – торжественно заявила невеста.

– Ну и что? – спросил я, не сдержав зевоту.

– Герцог прибывает, – повторила Кэйтрин еще раз.

– Да я уже понял, что герцог, – зевнул я еще шире. – Герцогов много, а я один. И что, из-за каждого герцога надо весь дом вверх дном перевернуть?

– Нет, ты не понял! – взъярилась Кэйтрин, пытаюсь отобрать у меня канделябр. – Кажется, кто-то до свадьбы не доживет! Я тебя точно убью!

Работницы на время остановились, затаив дыхание – будет о чем потом рассказать!

– Н-ну, чего рты разинули?! – рявкнула на них фройляйн. – Если через час дом не будет блестеть, как ...

Фройляйн замолчала, подбирая слова, а я любезно подсказал:

– Как котовы яйца!

– Как котовы яйца! – повторила невеста, а потом перевела взгляд на меня: – Ах ты...

Женщины уже не выдержали, грохнули от смеха, а я, от греха подальше, потащил рассерженную Кэйтрин наверх. Каюсь, хотел увлечь ее в нашу спальню, но по дороге барышня уперлась, как упрямый ослик. Попыталась меня немножко поколотить (кулачки у нее твердые!), но была пленена и заключена в объятия. Притихнув ненадолго, фройляйн все-таки вырвалась. Слегка успокоившись, пояснила:

– Юджин, я же тебе говорила – герцог Силинг, он не простой герцог, он Августейшая особа. Не Его Светлость, а Его Высочество.

Точно! А я уже и забыл, что мы живем в Силингии. Но, что поделать. За свою жизнь я сменил столько карликовых княжеств, лоскутных герцогств и микро-королевств, что и сам запутался.

– Ну, приедет, остановится где-нибудь. А мы здесь при чем? В гости герцог к нам не приедет. На торжественный прием по случаю приезда Его Высочества, нас точно не пригласят.

– Раньше герцог и в гости наезжал, и на приемы приглашали, – вздохнула фройляйн. – Пока был жив отец, мои родители все время бывали на приемах! А меня не примут, пока я замуж не выйду.

– Так я тебя давно зову! – возмутился я. – А ты, уже в который раз, свадьбу откладываешь.

– А где? – ехидно спросила Кэйтрин, поднимая левую руку и, внимательно рассматривая пальцы.

Ну, что тут поделывать! Я же опять забыл купить обручальное кольцо!

– Я ворона! – с чувством вымолвил я. – Только не говори – мол, если человек тянет с выполнением какого-то дела, значит, он не хочет его делать. Давай лучше, прямо сейчас поедем к какому-нибудь ювелиру, купим тебе самое дорогое кольцо.

– Глупый вы, господин Артакс, – вздохнула фройляйн. – Сколько можно повторять, что это должно быть сюрпризом?

Я хотел спросить – для чего было разводить такой кавардак, тащить из города бригаду шумных женщин, если герцог к нам все равно не приедет, как внизу раздались какие-то вопли.

– Подрались они, что ли? – предположила Кэйтрин. Кивнула на лестницу: – Надо посмотреть. Да и с работой пора заканчивать.

Оказалось, что количество женщин внизу увеличилось – прибавилась наша повариха, которая махала руками и отчаянно кричала:

– Герцог! Герцог!

– Что герцог?! – спросили мы с Кэйт в один голос.

– Герцог к нам едет! Томас хотел в город съездить с утра, увидел. Без свиты, с одним верховым. Едут не спеша, но скоро будут.

Если нужно, моя невеста умела действовать быстро и четко.

– Все вон! Да не сюда, а через заднюю дверь. Бестолочи. Юджин, выводи. Курдула, что у нас в погребе есть? Мясо копченое? Сыр? И про корнишоны не забудь! Все быстро тащи. И вино отыщи. У Томаса должна быть бутылка. И тоже, давай, через черный ход. Бегом!

Пока я выводил женщин, Кэйтрин успела напустить на себя вид важной особы и уже потянулась, чтобы открыть дверь, но спохватилась, заметалась по коридору, будто угоревшая кошка.

– А мне-то куда?

Фройляйн Йорген уже полезла прятаться в кладовую, но я ухватил ее за руку.

– Стоп! Поздно думать о приличиях. И ты сейчас не моя невеста, а бывшая владелица Аппельгардена (я, с перепуга, сумел правильно произнести название усадьбы!), приехавшая, по старой памяти, навести порядок в доме. Слышишь? Открываем дверь!

Ну, как же хорошо жить на свете, если никто не стучится в вашу дверь!

Глава вторая

Задание герцога

Герцог Дометрий Николаз фон Силинг со стороны мог сойти за капитана жандармов[3 - Жандармы – рыцари, входившие в свиту короля. Своего рода лейб-гвардия.] – среднего роста, кряжистый, с выпуклыми мышцами и, с короткой стрижкой. Одет очень просто – темно-синий камзол и такого же цвета плащ. Шпага с простым эфесом, без позолоты и прочих вычурностей, висит справа. («Левша», – автоматически отметил я.) Словом – на герцоге не было никаких регалий – ни цепей, ни короны, ничего, что могло бы выдать в нем августейшую особу, за исключением глаз. Нет, глаза были обычными, янтарного цвета, но взгляд... Взгляд человека, привыкшего отдавать приказы. Возраст я бы определил лет в сорок пять. Моложе меня, но не чрезмерно.

Я не очень люблю титулованных особ, но герцог Силинг мне понравился. Может, потому что он чем-то напоминал меня самого?

Как нужно себя вести с Августейшей особой, ежели, она особа приезжает в ваш дом, не предупредив заранее? Придворный этикет – штука сложная. Я уже

и сам-то его подзабыл. Посему, поступил просто – отвесив герцогу Силингу соответствующий поклон (строго под сорок пять градусов!), сказал:

– Рады вас приветствовать в своем доме. Позвольте представиться – Артакс, хозяин поместья. – Указав на просевшую, в реверансе, Кэйтрин, сообщил с некой ноткой гордости в голосе: – Позвольте представить баронессу фон Выксберг, мою невесту. Мы с баронессой обсуждаем детали нашей будущей свадьбы.

– Здравствуйте сударь. Здравствуйте баронесса, – слегка рассеянно, а может, просто устало, ответил герцог. – Очень рад, что усадьба одного из самых благородных родов Силингии остается в семье. А еще рад, что баронство Выксберг обрело достойного хозяина. Виноват – хозяйку.

Его Высочество позволил себе скупую улыбку, обозначая, что теперь и Кэйтрин может вступить в разговор.

– Прошу прощения, Ваше Высочество, что мы не сможем поприветствовать вас подобающим образом, – сказала фройляйн, поглядывая на дверь – не идет ли Курдула.

– О, фройляйн, не стоит беспокоиться. Я отправил свиту в Урштадт. Думаю, завтрак они сумеют приготовить, – улыбнулся герцог. Слегка помолчав – видимо прислушивался к собственному желудку, раздумчиво сказал: – Впрочем, я бы не отказался от легкой закуски, да и мой сопровождающий тоже. Мы выехали ночью.

– С разрешения Вашего Высочества, – снова просела Кэйтрин. – Стол будет накрыт через десять минут.

– Не торопитесь, баронесса, – улыбнулся Силинг. – Мне нужно поговорить с вашим женихом. Граф, вы не станете возражать?

Если бы герцог ударил меня в солнечное сплетение, было бы легче. Ко мне уже двадцать лет не обращались по титулу, так что я и сам начал забывать, что был когда-то графом. Теперь же это было сродни удару в лоб. Копытом.

Наверное, со стороны мы с Кэйтрин выглядели забавно. Моя баронесса так и застыла, с оттянутой ножкой, в наклоне, вытаращив глазенки и открыв ротик, а я, верно, стал похож на соляной столб. Но мы с Кэйт были людьми, прошедшими неплохую жизненную школу и, потому, довольно быстро смогли оправиться от неожиданности.

По этикету, августейшая особа везде чувствует себя как дома и она (особа) должна сесть в кресло, а уж потом решать – заслуживает ли хозяин сидячего места, или может и постоять. Чаще всего хозяин стоит, ибо, сесть в присутствии коронованной особы – это особая (прошу прощения за тавтологию!) привилегия. Опасаясь, что герцог может занять гостевое кресло, обильно проросшее клочьями шерсти (надо было уборку с кресла начинать, а не с посуды!), я гостеприимно указал на свое собственное и, даже обозначил легкий поклон.

– Прошу вас, Ваше Высочество.

– Это место хозяина, – заявил Силинг, не обращая внимания на шерсть и, одновременно, приглашая садиться и меня.

«Что ж, придворных у герцога много, почистят», – решил я, занимая свое обычное место.

Герцог уже открыл рот, а я, наострил уши, чтобы внимать словам Его Светлости (виноват, Его Высочества), как заскрипела дверь и, в комнате появился третий собеседник, которого никто не звал. Впрочем, в отличие от других, он вообще не нуждался в приглашениях и вообще не уважал сословные предрассудки.

Шоршик заскочил на подлокотник своего кресла и, недовольно уставился на герцога. Его Высочество не догадался ему уступить место, зато его рука потянулась к коту и принялась осторожно почесывать за ушками, поглаживать шерстку, а Шоршик, вместо того, чтобы наказать наглеца, разлегся, вытянул лапы и заурчал. Герцог не стал сграбастывать котика, сажать его на колени, а отнесся к нему с полным уважением.

Настоящий кошатник меня поймет – я вмиг проникся чувством признательности к герцогу и уже был готов принять оммаж, встать под его знамена и идти войной на все четыре стороны света! Устав от поглаживаний, Шоршик соскочил с колен, ушел к книжному шкафу и начал яростно вылизывать черно-белую шубку.

– Вот, люблю я этих зверюшек, – слегка смущенно признался Его Высочество, на что я с пониманием развел руками – мол, сам такой. И, вообще – лучшие люди, это кошки!

– Вы, наверное, удивлены, что мне известны ваше подлинное имя и титул? – поинтересовался Силинг.

– Не то слово! – признался я. Подумав, сказал: – Когда я прибыл в ваше герцогство, то первый же ростовщик, к которому я обратился, опознал во мне полковника Артакса, командовавшего полком наемников в Швабсонии. Я двадцать лет прослужил наемником и, двадцать лет меня никто не трогал, не пытался связать мое нынешнее имя с прежним. Как я полагаю – это никому не было нужно. Но как только понадобился граф д’Арто де Ла Кен, вспомнили и про наемника Артакса[4 - Более подробно об этом в романе «Хлеб наемника»].

– А если учесть, что вы теперь второй наследник короля Фризландии, Моравии и Полонии, интерес к вам стал еще больше, – усмехнулся герцог. – Вам нужно было взять менее одиозный псевдоним.

– Когда я очнулся в лагере для наемников, то ничего другого в голову не пришло, – признался я. – Источник вашей информации – господин Мантиз?

Вероятно, ростовщик заинтересовался одиноким наемником, что привез из Швабсонии кучу серебра. А коль скоро у большого богомола есть свои информаторы, то покопаться еще глубже, труда не составило.

– Нет, не он, – покачал головой герцог. – Хотя...

– Хотя ход моих мыслей правилен, а источник информации где-то в окружении нашего ростовщика, – пришел я к заключению.

Герцог Силинг не стал ни опровергать, ни соглашаться с моими выводами. Впрочем, какая разница? (Хотя, у меня был кандидат на должность герцогского шпиона в окружении Мантиза, но об этом можно пока помолчать).

– Как бы вы поступили на моем месте? – поинтересовался Силинг.

– В каком смысле? – слегка нахмурился я, не поняв собеседника.

– В том смысле, что если бы в ваших владениях появился богатый человек – заметьте, не просто богатый, а очень (выделил герцог) богатый. Ваше богатство примерно равно суммарному богатству пяти ростовщиков. (Я чуть было не сказал – десяти! – но прикусил язычок.) Только это привлекло бы ваше внимание. Так?

Я кивнул, а герцог продолжил:

Но это во-первых. Во-вторых, этот человек имеет огромный военный опыт. Богатство, плюс опыт... Вы, как правитель, заинтересовались бы таким человеком?

– Безусловно, – покладисто согласился я.

– В-третьих, вдруг выясняется, что этот человек купил имение Йоргенов, да еще и собирается жениться на последнем представителе, виноват, последней представительнице древнего рода. Кстати, чисто формально, ввиду того, что девушка сирота, именно я должен решать – может ли Кэйтрин фон Йорген выйти замуж за неизвестного человека, или ей следует подыскать более приличную партию? Разумеется, я не стал бы препятствовать свадьбе, тем более, что сам виноват перед девочкой – упустил ее из виду, а она мне не напомнила о своем существовании. Но зная Йоргенов, не сложно догадаться, что избранник Кэйтрин – человек благородного происхождения. Вот только, род Артаксов ни в Силингии, ни в Ботэне не занесен в «Бархатную книгу». Значит, этот человек из Швабсонии, Фризии или других земель.

Мысли герцога шли в правильном направлении. Ну, допущена небольшая ошибочка по решению Кэйтрин, но это неважно. Девочка очень хотела остаться в усадьбе.

– Далее, вдруг выясняется, что оный Артакс приобрел для фройляйн баронство, дающее право на титул. Заметьте – купил не для себя, хотя мог бы и сам стать бароном, а для невесты. Правда, когда я узнал, кто вы такой, стало понятно. Зачем принцу крови титул барона? Ну, а для полной картины, этот Артакс вдруг отправляется в Шварцвальд, снимает с него тысячелетнее заклятие!

– М-да, – только и сумел я сказать. – А я-то, грешным делом, ни разу не задумывался, что мои поступки могут так заинтересовать Ваше Высочество. Касательно денег – так это много только по меркам Силингии. Там, откуда я прибыл – сумма приличная, но не чрезмерная. А все остальное... Опять-таки, не задумывался. Все как-то само – собой получилось. Мне у вас понравилось, вот и все.

– И вы готовы пожертвовать возможностью стать королем? – с сомнением спросил герцог.

– Знаете, мне столько раз говорили – мол, если, человеку много дано, то от него много и требуют. Но мне всегда хотелось жить так, как я сам того хочу. Наверное, сложись моя жизнь чуть-чуть по другому, я бы сейчас отчаянно интриговал, плел заговоры и все такое прочее. А мне нравится все то, что я делаю. Вот, есть у меня невеста, а кольца не соберусь купить...

Похоже, Силинг мне не слишком верил. Парень он неплохой, правильный. Ну, что тут поделаешь, если я другой?

– То есть, правильно ли я понимаю, что вы готовы променять свое будущее в качестве Августейшей особы и стать моим подданным?

– А почему бы нет? Тем более, что купив усадьбу, я уже являюсь вашим подданным. Чисто формально – я ваш вассал. Мне нужно принести вам оммаж? Могу прямо сейчас.

Герцог отмахнулся. Да, к чему старые формальности, когда нужно становиться на одно колено перед сюзереном, произносить клятву, если можно просто поставить свою подпись в правом нижнем углу пергамента (но сойдет и бумага), под текстом, составленным пронырливыми крючкотворами? А еще, я никак не поверю, что Его Высочество отклонился от маршрута и прискакал ко мне без свиты, с одним лишь сопровождающим, чтобы изложить свои сомнения. Определенно, Его Высочеству от меня что-то нужно. А вот что именно? Попросить у меня денег? Но он уже навел справки, и знает, что у меня есть партнер и деньги придется брать у ростовщика. Назначить меня командующим своей армии? Еще смешнее. Меня он даже командовать полком не назначит. В Швабсонии, чтобы выдвинуться в колонели, мне пришлось потратить десять лет. И то – командовал наемниками, а в Силингии воюют рыцарские дружины

и ополченцы. За «темной лошадкой», да еще и не дворянином (как я буду доказывать свое Швабсонское дворянство?), ни рыцари, ни ополченцы не пойдут. Герцога беспокоит судьба Кэйтрин? Возможно, но из-за этого не скажут, сломя голову. Сироток много, за всеми не уследишь.

Но, по правде-то говоря, кое-какие опасения у меня были. И рыльце в пушку. У меня перед герцогом оч-чень большая вина – убийство его солдат. Тех шестерых жандармов, ловивших Зарко-цыгана и, напавших на меня в Шварцвальде. Сопоставить факты не сложно – солдат посылают на поиски конокрада, они отправляются в Шварцвальд, где и пропадают. И, именно в это время в Черном лесу был и я. Герцог умен. Ну, есть еще такой вариант – наш патер, которому я исповедался, доложил своему начальству об убийстве шестерых солдат. Но здесь тоже не сходится. Если бы герцог желал меня наказать за смерть своих людей, то он бы прислал ко мне вооруженный отряд, а беседовали бы мы не в моем кабинете, а в тюремной камере. И там бы я долго объяснял, что жандармы не захотели вступить со мной в разговор, а сразу же напали и я их убил в целях самозащиты (ну, четверых, если по-честному, а двоих положили старик и цыган). Даже если и так, что это меняет? Герцог был бы плохим правителем, если бы спускал безнаказанной смерть своих людей. Но, здесь что-то другое.

Я уже решил спросить прямо в лоб, но герцог сам нарушил молчание:

– Скажите, граф, как мне найти к вам подход? Я уже понял, что вас трудно напугать, что я вам ничего не могу обещать – вам ничего не нужно. Конечно, я мог бы найти способ надавить на вас, но в этом случае вы перестанете мне доверять.

– А вы, Ваше Высочество, просто расскажите мне, что случилось, – посоветовал я. – И, если это в моих силах, я вам помогу.

Похоже, Силинг собирался с духом. Что ж, такое тоже бывает. Его Высочество – сильный человек, но сильным людям бывает труднее поделиться своими бедами. Наконец, словно решив прыгнуть в холодную воду, герцог сказал:

– Не буду говорить, что дело касается самой большой государственной тайны. Не буду с вас брать ни слов, ни клятв. Верю, что болтать вы не станете. Дело в чем... А дело в том граф, что пропал мой сын, а вы единственный человек, кто

сможет его отыскать.

– Я, единственный? – удивился я, но потом сообразил: – Следы мальчика ведут в Швабсонию?

– Именно так. Потому, мне и нужен человек, знающий тамошние реалии. В моем герцогстве нет никого, кто бывал в ваших землях. Ну, разве что, кто-то из купцов. Но я не рискну поручать им поиски моего сына. Мне нужен кто-то, кому я могу полностью доверять. Тем более, что у вас уже есть опыт поисков.

Герцог снова замолчал, пронизывая меня взглядом. Он что, решал, заслуживаю я доверия, или нет? Любопытно, когда я успел заслужить доверие? А что, если я сейчас скажу ему что-то такое, что может испортить отношение герцога ко мне?

– Ваше Высочество, я вынужден кое в чем вам признаться, – сказал я, поглядывая на герцога. – В Шварцвальде на меня напали вооруженные люди. Увы, все они погибли.

– А вот это плохо, – покачал головой герцог. – У вас есть свидетели, способные подтвердить, что они напали на вас первыми?

– Мой слуга Томас, если его голос станут учитывать...

– А чем голос слуги хуже голоса рыцаря? – перебил меня Силинг. – Тем более, Томаса я знаю лично. Он когда-то ходил в походы вместе с хозяином этого дома.

– Вторым свидетелем станет Зарко-цыган.

– А вот этого прохиндея лучше не брать. Впрочем, – призадумался герцог, – вначале его можно выслушать, поверить касательно того, что он скажет про вас, а потом повесить. Эти люди как раз и были посланы ловить цыгана.

– За кражу гнедой кобылы? – улыбнулся я.

– Если бы! За одну кобылу я бы не стал гонять за каким-то цыганом копье жандармов. Зарко со своей дочкой, или внучкой? – не суть важно, отметились по всей Силингии. Одних только краж десятка два, наведение порчи, торговля

приворотными зельями! Лет двести назад цыгана и его внучку просто сожгли бы... Ну, цыгана-то просто повесили бы, а девку бы точно, спалилил! Бургомистр Урштадта – добрейшей души человек, так и он за цыгана цену назначил.

– Слышал, – улыбнулся я, вспоминая, как мы познакомились с Зарко. Наверное, мой Гневко – единственный жеребец, которого цыган не сумел украсть. Но мой гнедой – это особенный конь.

– Его внучку как-то поймали, побили, хотели сдать городской страже. А тут появился дед – мол, сам ее накажу, и принялся пороть девчонку кнутом! Кровь, ошметки мяса летят... Народ завопил, начал девку жалеть. Разумеется, никакой страже их не стали, а еще денег отсыпали, на лечение.

Я едва не заржал, вспоминая, как «шрамы» сходили со спины красавицы цыганки. Нет, ну какие артисты пропадают! Ну, герцогу-то я такие подробности пересказывать не стану.

– И кобылу мою – любимую, кстати, не Зарко-цыган воровал, а его внучка. Караульным поулыбалась, наобещала – понятное дело, чего, выпить из кувшина дала. С утра пришел конюх, караул спит, кобылы нет!

Вот тут уж я не выдержал, засмеялся. Глядя на меня, улыбнулся и Его Высочество. Но вспомнив, что веселиться покамест рано, герцог стал серьезным.

– Так каким будет ваш ответ, господин граф?

– А какой вы ожидаете?

– Вы не похожи на человека, который будет сидеть дома, наслаждаясь покоем, – усмехнулся герцог. – Думаю, ответ будет положительным. Если нет – то я ничего не понимаю в людях.

– Есть только одна вещь, которая меня смущает, – ответил я.

– Какая же?

– Что скажет моя невеста?

– Думаете, она будет против?

Можно было даже не отвечать на этот вопрос. Конечно же, фройляйн Кэйтрин проникнется тем, что меня отправляют на поиски наследника престола. Пропажа наследника, это не только личное горе герцога Силинга, но и трагедия всего герцогства. Самое меньшее, что может ожидать страну – гражданская война.

– А если нет, то всегда можно сказать, что я отправляю вас в изгнание. Ведь вы виновны в гибели моих солдат. Разве не так?

Глава третья

Клятва мага

Кэйтрин с Курдулой успели собрать легкий завтрак и, подали его прямо в кабинет. Герцог милостиво предложил составить ему компанию за столом, но мне почему-то есть не хотелось. Зато, захотелось выпить кофе.

– Ваше Высочество, а вы не желаете кофе?

Герцог с энтузиазмом закивал, а я пошел вниз, на кухню.

Кухня у меня сообщается со столовой, где Курдула и Кэйтрин кормили завтраком спутника герцога. Я старался не шуметь, но меня услышали. Баронесса, пытаясь сдержать свой гнев, подскочила ко мне и, страшным шепотом спросила:

– Вы ничего мне не хотите сказать, любезный граф?!

Я, как сумел, изобразил на морде (со вчерашней щетиной и, изрядно помятой после бессонной ночи) выражение умиления и раскаяния. Вздохнув, как можно

убедительнее, сказал на выдохе:

– Любимая, можно я тебе потом все объясню? Его Высочество хочет выпить со мной кофе.

Не знаю, что больше подействовало – ласковое обращение, или то, что герцог желает кофе, но семейные разборки были оставлены на потом, а я даже получил легкий поцелуй в небритую щеку. Разворачивая меня в обратную сторону, невеста укоризненно сказала:

– Хозяин не должен оставлять гостей! Идите к герцогу, господин граф. А кофе я вам сама сварю и подам. Те помои, что варите вы, стыдно называть кофе!

Я облегченно вздохнул и помчался к Его Высочеству. А кофе Кэйтрин варила гораздо лучше, чем я. Даже не знаю, где научилась.

В ожидании бодрящего напитка, герцог поведал, что сына зовут Вильфридом, ему четырнадцать лет, но выглядит на шестнадцать. Воспитывали паренька так, как и положено воспитывать ребенка – то есть, весь день посвящен каким-то занятиям. Если не латынь, то фехтование, если не арифметика, так выездка. Пропал он месяц назад, когда герцог был в очередной поездке на границе с королевством Ботэн, где уже давно идет странная война – короткие стычки, захваты замков и, длительные перемирия.

Дворцовая стража, в условиях чрезвычайной тайны проводившая расследование, не смогла понять ни причин исчезновения мальчика, ни людей, кто мог бы за этим стоять. Все приемлемые версии были отработаны – и любовь, и обида, и похищение с целью выкупа! Никаких зацепок. И, только один легкий след – неподалеку от прохода, соединявшего Швабсонию с Силингом.

– След? – переспросил я, не уверенный, что правильно понял герцога.

– Ну да. Следы – не в том смысле, что отпечатки шагов, а след присутствия мальчика.

– А разве такое возможно? – удивился я.

– Если маг очень сильно сосредоточится, то сможет! – хмыкнул герцог. Потом с сожалением в голосе добавил: – Но, увы. Даже для хорошего мага отыскать человека по следу его тела в воздухе очень сложно.

Если бы я такое услышал в свои первые дни пребывания в Силингии, решил бы, что герцог спятил. Но после богомоллов-ростовщиков, привидений и домовых, а особенно, после Шварцвальда, если и удивился, то не особо. Если в моем имении мост строит гоблин, именующий себя шойзелем, так почему бы не быть магам? Возможно, в Швабсонии и Фризии тоже маги когда-то были, но повывелись, чему поспособствовали костры и Высокая Инспекция. Попутали добрых волшебников со злыми колдунами. А здесь церковь мирно уживается с мифологическими персонажами и магами.

Тут явилась Кэйтрин с дымящимся кофейником, чистыми чашками и какими-то печенюшками. Кажется, в моем буфете их не было, но толковая женщина может отыскать все.

Отведав кофе, герцог поднял глаза вверх, промычал что-то неопределенное, изображая немой восторг, а потом попросил:

– Баронесса, вы не могли бы пригласить моего спутника?

Подождав, пока за фройляйн закроется дверь, фон Силинг сказал:

– Мой спутник – это и есть мой придворный маг. Мне кажется, лучшего напарника для вашей миссии не найти. К тому же, он знает, как выглядит Вилфрид. Стало быть, нет нужды снабжать вас портретом сына. Тем более, что портрет может ввести в заблуждение.

Что да, то да. У художников, особенно придворных, есть привычка приукрашивать портреты, убирая все недостатки. Хуже только граверы, прорисовывающие будущие штемпеля для монет. Где-то у меня лежат талеры с профилем герцога Силингии. Если герцог поддастся в бега, то подданные его по монете не опознают.

Первой вошла Курдула, тащившая тяжелый табурет. Хм, а я и не подумал, что спутника герцога надо куда-то посадить. Вообще-то, если он маг, то может сотворить себе кресло из воздуха. Или не может?

Курдула мрачно вато посмотрела на меня – она не раз говорила, что для дома нужны слуги помоложе, но молодых женщин не хотела брать Кэйт, а молодых мужчин я, и, едва не поставила ножку табурета на спавшего Шоршика. Мы с герцогом ринулись спасать кота и, столкнулись лбами.

Смеялись все. Мы с Его Высочеством (хотя и потирали шишки), повариха, поспешившая убежать, но громче всех ржал явившийся маг. Только Шоршик, как лежал у книжного шкафа, так и оставался лежать.

Отсмеявшись, мы с магом немного попялились друг на друга. Не знаю, какое впечатление произвел на него я, но мне он не особо понравился. Он совсем не походил на картинку, какую я видел в книжке. Мужчина за шестьдесят, крепкий, без длинной бороды, с гладким лицом (в том смысле, что не чисто выбрит, а без морщинок). Вместо колпака берет, удобный в дороге. Мне этот маг кого-то напоминал.

– Мой маг считает, что вы можете мыслить нестандартно, – сообщил герцог. – Он хочет это продемонстрировать.

Интересно, это похвала или нет? Довести мысль до конца я не успел, потому что маг вскинул левую руку. Левую? А в книге была правая.

Додумывать я не стал, а бросил магу кофейную чашку и тот поймал ее левой рукой.

– Вот видишь, я оказался прав! – сказал волшебник, аккуратно поставив чашку на стол.

Его Высочество равнодушно пожал плечами.

– Дометрий полагал, что вы бросите мне что-нибудь в лоб, – любезно пояснил маг. – Я же ему говорил, что Артакс найдет иной способ избежать заклятья. Видите, как все просто и элегантно. Я отвлекся, мое заклинание сорвано!

Похоже, эти двое считают, что я каждый день общаюсь с магами! Ох уж эти домовые! «А картинки-то хорошие!» Ну, и за то спасибо. Зато я теперь знаю, что с помощью посоха маги оказывают воздействие на растения, правой рукой

на человека, а левой – на животных. Ну, если маг не левша!

– А если бы я метнул в вас кинжал? – проворчал я.

– Так ведь не метнули же! – жизнерадостно ответил маг и тут я его начал уважать.

– Кстати, а вы не родственники? – поинтересовался я, сопоставив кое-какие черты сходства между волшебником и герцогом. Да и обращение по имени, хоть и в неформальной обстановке, может быть лишь между близкими родственниками. Правда, далеко не всегда. Не припомню, чтобы мой отец обращался к своему брату – королю Рудольфу, просто по имени. Но дядюшка Никола, бывало, мог назвать своего племянника Руди.

– Габриэль – мой дядя, – подтвердил мою догадку Силунг. – Ну, не совсем дядя, – поправился герцог, – а двоюродный дед со стороны матери. Он был и моим воспитателем, и воспитателем моего сына. Значит, знает характер мальчика, его привычки.

– Теоретически, я еще являюсь и главным подозреваемым, – сообщил маг. – Кроме Вилфрида, у его Высочества нет родственников по мужской линии. Стало быть, после его исчезновения, я выступаю главным претендентом на престол.

– А что, у Вашего Высочества совсем-совсем нет родственников? – слегка удивился я.

– Ну, дальних родственников целая свора, – пожал герцог плечами. – Но они до сих пор не могут разобраться – кто должен быть ближе к престолу. Лет сто назад в Силингии существовало лестничное право. Знаете, что это такое?

Что такое лестничное право я знал. На родине моей матери, в Древлянских княжествах, Верховным князем становился старший родственник. То есть, если умер отец, а ему наследовал старший сын, то после его смерти престол отойдет не внуку, а второму сыну, потом третьему. Ежели кто-нибудь из братьев умирал, их потомки уже не имели права на престол. А как быть, если племянник по возрасту годился дяде в отцы, но должен был признавать его старшинство? Тут черт ногу сломит, второй вывернет! И это, если есть отец и три сына. А если больше? Стадо чертей копыта переломают.

– Вы можете дать слово, что вы не причастны к пропаже наследника? – поинтересовался я.

Родственники переглянулись. Маг принял надменный вид, словно не его внучатый племянник, а он сам здесь венценосная особа. Поднялся во весь рост, расправил плечи и, торжественно заявил:

– Даю вам слово, что я, Габриэль, урожденный барон Скилур, член ордена магов, не имею никакого отношения к пропаже моего младшего родственника, наследника престола Силингии Вилфрида фон Майера. В чем я клянусь своей кровью!

Такую высокопарную клятву нужно слушать стоя. Пришлось оторвать задницу от кресла, сделать вид, что я чрезвычайно польщен оказанной мне честью.

Поверил ли я клятве? И да, и нет. Меня в этой жизни столько раз предавали, что давно бы пора отвыкнуть вообще доверять людям. Но, увы. Сколько раз наступал на тот самый сельскохозяйственный инструмент, а все равно, исхожу из того, что пока человек не доказал обратное, я ему верю. Но как можно верить клятве? В любой, самой важной клятве, есть множество лазеек. Скажем, что значит «не имею никакого отношения к пропаже»? Чисто формально – «я не участвовал в похищении». А если господин Габриэль это похищение организовал? Или, другой нюанс. Он сказал «я не имею никакого отношения к пропаже моего младшего родственника, наследника престола». А если Габриэль не считает мальчика законным наследником престола?

– Мне не нужно расписываться кровью? – спросил маг.

– И даже не надо плевать в камин, – любезно отозвался я.

– Причем здесь камин? – спросил Габриэль, слегка сбитый с толку.

– А причем здесь подпись кровью? – ответил я вопросом на вопрос и пояснил: – У одного варварского племени – далеко отсюда, был такой обычай: в подтверждение чистоты помыслов нужно плюнуть в костер. Мол, если человек врет, то его слюна становится ядовитой и, от огня начнет валить черный дым. А что даст подпись?

Слегка растерявшись, маг уселся на табурет и, обратил внимание на книгу, заинтересовавшую нас с брауни.

– Я вижу, вы изучаете магию? – спросил маг-барон, начиная листать книгу.

– Гравюры рассматривал, – честно сообщил я, но Габриэль мне не поверил. Закрыв книгу, двоюродный дедушка герцога доверительно сообщил:

– Вы особо не доверяйте этой книге. Кое в чем автор прав, но сам он не маг, а ученый. Вот, например...

Габриэль принялся листать фолиант, разыскивая нужную страницу. Отыскав, с удовлетворением ткнул пальцем в строчку:

– Вот, здесь он призывает остерегаться гномов, что водятся в подземельях. Но в подземельях водятся не гномы, а кобольды! Они, хоть и похожи на гномов, но другие! У кобольдов, помимо всего, есть навыки стихийной магии. А гномы – или гворны, задатков магии не имеют. Зато они имеют иммунитет к магии.

Ох ты! А ведь я нечто подобное слышал давным-давно, от старого каторжника. Правда, тот уверял, что гномики в подземельях могут мерещиться лишь после доброй порции шнапса. Но Швабсония – мир без магии и волшебства, а Силингия, наоборот.

Похоже, маг был готов щедро делиться полученным опытом, несмотря на возраст и дальнюю дорогу. Зато Его Высочество умел заканчивать разговор вовремя.

– Мой дорогой дядя, – обратился Силинг к магу. – Думаю, во время путешествия в Швабсонию у вас будет время для разговора с графом.

– Прошу прощения, – стушевался маг к моей тайной радости.

– Итак, любезный граф? – перевел герцог взор на меня. – Когда вы сможете выехать?

Я помолчал с минуту, припоминая, где у меня доспехи и оружие, нужно ли их чистить, сколько времени понадобится, чтобы набить сумку сухарями, крупой и салом. Ну, седло в конюшне, там же торба для овса.

– Полчаса, – сказал я, но вспомнив, что мне еще нужно поговорить с Кэйт, поправился: – Но лучше бы через час.

Физиономия мага слегка вытянулась, глаза округлились и он с надеждой посмотрел на своего родственника. Герцог почесал подбородок, с почти такой же щетиной, как у меня и решил:

– Завтра. Нашему магу нужно отдохнуть, собрать свиту.

– Свиту? – удивился я.

Настал черед удивляться герцогу.

– Придворный маг, и без свиты? Обычно, с ним путешествует не меньше пяти человек.

– Подождите! – поднял я вверх обе руки. – Вы собираетесь отправиться в Швабсонию в образе мага?

– Ну да. А что здесь такого? – удивился Габриэль.

Я набрал в грудь побольше воздуха, а потом выдохнул:

– Тогда, наверное, нам лучше ехать отдельно.

Посмотрев на непонимающие взгляды, любезно сообщил:

– В Швабсонии, и прилегающих к ней землях, нет магии. Если кто-то попытается колдовать, есть большой шанс угодить на костер. Костров, правда, – задумался я, пытаюсь припомнить, когда последний раз жгли ведьму, но вспомнить не смог, – давненько не было. Но могут и сжечь. Мне бы не хотелось на старости лет сгореть на костре!

Оба родственника растерялись. Им, считавшим, что маги-волшебники – вполне нормально, наверное показалось дикостью, что за такое можно угодить на костер.

– И что теперь делать? – робко поинтересовался волшебник.

К счастью, я уже продумал вариант действий.

– Мы поедем туда вдвоем. Только вы и я. Вы – странствующий ученый, немного лекарь. Кстати, а вы лечить умеете? Прекрасно! Ну, травок я вам помогу собрать. В крайнем случае – потрясем какой-нибудь стог. Вы будете лечить магией, но делать вид, что лечите травами. А я – ваш охранник. Впрочем, – великодушно разрешил я. – Можно взять еще одного слугу. Лишний меч в дороге всегда пригодится.

– Как, дядюшка, сможете выдать себя за странствующего лекаря? – с усмешкой поинтересовался герцог.

– Придется, – вздохнул маг.

Наконец-то мои гости решили уйти. Им еще нужно отдохнуть с дороги. И я тоже решил поспать.

Конечно же, поспать мне не дали. Только улегся, как меня принялись тормошить.

– Господин Артакс, может быть, вы соизволите объяснить, как из наемника превратились в графа?

– Как-нибудь, – буркнул я, переворачиваясь на другой бок.

– Нет уж, прямо сейчас! – завопила Кэйт мне прямо в ухо, а потом попыталась стащить с кровати.

Девчонка была очень сильной и, будь она потяжелее, я бы точно оказался на полу.

– Невесте неприлично заходить в спальню к своему жениху до свадьбы, – попытался я увещевать разбушевавшуюся девицу.

Куда там! В спальне началось настоящее сражение. Первыми жертвами стали одеяло и подушки. А если Кэйт начинает войну, мне остается лишь сдаться на милость победительницы. В общем, я сдался, а потом сдалась и Кэйтрин.

Через какое-то время был подписан мирный договор, с соблюдением всех прав сдавшейся стороны.

– Мерзавец вы, господин граф, – сказала Кэйт, прижимаясь ко мне.

– А что, святой отец больше грехи не отпустит? – забеспокоился я.

– Наш патер ремонт церкви затеял, – хихикнула фройляйн, перебирая волосы на моей груди. – Ну, представь себе – сколько лет наш храм стоял в запустении? От пейзаж-то, какие деньги? А теперь ты появился. Не разу не считал, сколько ты талеров пожертвовал? Патеру еще крышу менять, новые витражи ставить... Хочешь не хочешь, а ты теперь наш ктитор. И патеру деваться некуда.

– Значит, грехи отпустит?

– Ладно, с грехами потом разберемся, – отрезала Кэйт. – Ты скажи, зачем ты мне столько времени врал?

– Разве я врал? – хмыкнул я. Хотел сказать какую-нибудь глупость, но увидел, что фройляйн собралась обидеться, поспешно сказал: – Ну, ты же у меня умница. Сама обо всем догадалась. Ну, сама посуди – какой же я граф, если мое графство невесть где? Или, тебе непременно хочется стать графиней?

– Хочется. Одно дело быть баронессой с купленным титулом, другое – именоваться графиней! Да, а каков твой полный титул?

– Граф д'Арто де Ла Кен. Артакс – чтобы голову не ломать.

Я в нескольких фразах рассказал Кэйтрин о своем низвержении из графов в наемники, о своих родственниках, упекших меня в солдаты, а потом

попытавшихся вернуть в лоно семьи.

- Все-таки, не понимаю, - сказала Кэйт, приподнявшись на локте. - Ладно, поначалу тебе было обидно. Тебе сколько лет было, когда стал наемником?

- Двадцать.

- Хм. На целых два года старше, чем я. Ладно, - принялась рассуждать Кэйтрин. - Мужчины взрослеют медленнее, чем женщины. Допустим, поначалу тебя грызла обида на семью. Как пишет Енох Спидекур - подростковый эгоцентризм. Но потом-то? Ты двадцать лет обижался на своих родственников?

- Все правильно, - улыбнулся я неизвестно чему. - Поначалу, мне было обидно. А потом вдруг понравилось. Думаю, что я был бы плохим графом. Ну, не могу себя представить, чтобы я управлял поместьем. А быть воином - простым солдатом, потом полковником, военным комендантом, получалось неплохо. Я всегда уважал людей, умеющих что-то делать хорошо. Хороший ремесленник, хороший купец. Вон, мой старый друг Енох, хоть и пьяница, но он талантливый ученый, коль скоро даже такие умницы, как ты, читают его книги. А ты - замечательная девушка, толковая управительница.

- Подхалим! - легонько «боднула» меня Кэйт.

- Угу, - ответил я.

Я зевнул, невесть в который раз, смежил веки, собираясь заснуть.

- Подожди, - затормошила меня любимая, - у тебя весь день впереди, выспишься. Скажи - что герцогу от тебя нужно?

- Хочет, чтобы я нашел его сына.

- Наследник пропал? - взвилась Кэйтрин. - А почему об этом никто не знает?

- Мы с тобой знаем. Ну, еще с десяток человек. А зачем знать остальным?

Фройляйн Йорген опустилась обратно на подушку, немного подумала и твердо сказала:

- Правильно. Не стоит об этом никому говорить. Иначе - шум, сплетни. Фу, как я всего этого не люблю. Пропажа наследника - это секрет?

- Разумеется. Его Высочество считает, что наследнице рода Йоргенов доверять можно.

Кэйтрин с гордостью посмотрела на меня, выпятив нижнюю губу. Потом спохватилась:

- А когда ехать? И куда?

- Ехать завтра с утра. В Швабсонию.

- В Швабсонию?! - вытаращилась девчонка.

- А что такого? - удивился я.

- Но туда же невозможно проехать. Сплошные горы. Есть пара тропок, по которым купцы ходят. Из Швабсонии, в основном, книги несут, а у нас переписывают. Знаешь, сколько подлинник Спидекура стоит? Пять талеров! Из Силинггии в Швабсонию вообще ничего не унести, даже часы. Они переход через горы не переносят.

- Но я-то оттуда как-то приехал? - пожал я плечами. - Мантиз из Швабсонии новости получает. Да тот же герцог, откуда бы он обо мне узнал?

- Ну, с тобой все не так, как у людей. Кто бы еще додумался отправиться в Шварцвальд? Только ты. Значит, ты и туда можешь сходить, и оттуда.

Глава четвертая

Дороги не выбирают

Три всадника, три заводных коня, это уже почти караван и скорость ему будет задавать самая медлительная кобыла. На ней было навьючено оружие мага. Уж не знаю, зачем он взял с собой полный доспех, вместе с турнирным копьем, но это не мое дело. Я сам ограничился старой проверенной кирасой, мечом и метательными ножами. (Вру. Сзади за пояс был заткнут небольшой кистень, а у седла прикреплен топорик.) Кобыла Габриэля, впрочем, мне нравилась, чуть больше, чем его слуга. Смазливый, без определенного возраста. В театре, такие как он, до старости лет, играют юных служанок. Не то, чтобы он был нерасторопный, медлительный, отнюдь. Не скулил, не просил скакать помедленнее. Но парень мне чем-то не понравился. Чем именно, пока сказать не мог.

Герцогство я знал неважно, но дорогу, по которой когда-то попал сюда, запомнил прекрасно. По моим прикидкам, от Урштадта и до гор, понадобится дня три. Не так уж, в общем-то и много. Еще пару дней придется провести в горах, а там уже будет и Швабсония. А вот, сколько времени мы проведем в поисках мальчика, сказать не мог. Это могли быть и три дня, и три года. Здесь надо было полагаться только на чутье придворного мага.

От гор, через которые я когда-то «перевалил» и до первого города герцогства, где я осел, жилых мест не было. Раньше я как-то об этом не задумывался, а теперь, сравнивая еле пробитую тропку с иными дорогами Силингии, отсутствие деревень, постоянный дворцовый двор, еще раз задумался – почему же Швабсония и Силингия отделены друг от друга? Наличие гор – слабое объяснение. Вон, в той же Швабсонии, гора на горе, круча на круче, что не мешает купцам водить обозы, а солдатам идти походом из равнинного княжества на какое-нибудь горное королевство. Ладно, когда-нибудь, я об этом узнаю. (Ну, а может нет. Такое тоже часто бывает.)

Ближе к вечеру решили устроить привал. Расседлал гнедого, скинул перекидные мешки с кургузого (Кэйтрин не хотела отдавать, пришлось убедить, что в дороге надежный конь – половина успеха!), напоил, отпустил пастись. Глянул краем глаза – не намечается ли у коней драчка, убедился, что все в порядке – на такую кобылу мой Гневко не западет, а с меринами у него разговор короткий – зубами за холку, вот и все.

На стоянке наш маг отдыхал. Ну, ему по статусу можно, да и возраст приличный (морщины с лица убрал, но матушку-природу не обманешь!). Я натаскал

хвороста, развел костер, поставил котелок с водой поближе к краю (можно бы и рогатки найти, но было лень заморачиваться) и принялся ждать, пока вода не закипит, обдумывая – стоит ли варить кашу на всех, или господин маг со слугой станут кушать отдельно.

Они решили ужинать отдельно. Пока волшебник отдыхал, слуга, обдав меня презрительным взглядом, выгружал из пузатых седельных сумок припасы – жареную куру, вареные яйца со смятой скорлупой, слегка увядшую зелень, фрукты и, сервировать все это изобилие на белоснежной скатерти. К тому времени, пока моя каша была готова, приправлена мясом, волшебник уже перекусил – отломал крылышко, надкусил яйцо и, пожевал пару листиков салата, а потом улегся спать.

Слуга, заботливо укутав господина теплым пледом, принялся доедать остатки с барского стола. Сколько раз мне приходилось видеть такое, когда слуги подъедают объедки – не счесть. И, каждый раз мне было противно. Похоже, парень изрядно проголодался – умял куру едва ли не вместе с костями, яйца чистил торопливо, проглатывая их с кусочками скорлупы, раскидывая по сторонам объедки. А на меня он смотрел слегка испуганно, но нагло. Может, боялся, что я стану претендовать на остатки «пиршества»? Нет уж, нет уж, мне в дороге больше нравится пробавляться горячей кашей.

– Эй, ты! – услышал я вдруг. – Ты почему сел есть вместе с нами?

– А что не так? – любезно поинтересовался я.

– Ты должен охранять Его Светлость господина мага, а не жрать, понял?

Кашу я уже почти доел, да и остыла она уже. И, чего, спрашивается, он так орал? Потом станет врать, что я надел ему на голову котелок с горячей кашей! А котелок маленький, лишь на макушку хватило. Да и говорить следует – одел, а не надел.

Маг Габриэль, приподнявшись на локте, с полминуты взирал на своего слугу, измазанного пшенкой, хохотнул, а потом приказал:

– Бастид, сходи на ручей, умойся, заодно и посуду помоешь.

Когда всхлипывающий холуй ушел, маг сказал:

– Я все слышал, приношу вам свои извинения, но вы, в следующий раз, не применяйте к парню такие суровые методы воспитания. Да и каша ваша пахла изумительно, жалко. В следующий раз лучше меня угостите.

– Обязательно угощу! – пообещал я. – А парень ваш, наглый, не в меру, да и ума немного. Другой, на его месте, мог просчитать ответную реакцию, прежде чем хамить.

– Ну, господин граф! – фыркнул волшебник. – Он же служит дядюшке самого герцога, да еще и магу! Все остальные, по его мнению, ему и в подметки не годятся. Я же не стал ему говорить, кто вы такой. Пусть считает, что только охранник. Для мальчишки поездка со мной – изрядное повышение по службе. Он же был просто дворцовым лакеем, одним из многих. А теперь он личный слуга! Да он волосы на заднице драть готов, лишь бы мне угодить. У лакеев иерархия посложнее, чем у дворянства.

– Будем считать, что мальчишка получил небольшой урок, а теперь сделает выводы.

– Да, господин граф... – начал маг, но я его перебил:

– Лучше зовите меня Артаксом, будет проще. А еще, в Швабсонии мне придется вас называть господином Габриэль, а не господином магом, и не светлостью.

– Называйте, – разрешил маг, а потом продолжил начатый разговор: – Я, вот о чем, хотел с вами поговорить. Вы, хотя и числитесь телохранителем, но вы не железный. В Силингии нам ничего не угрожает, но в Швабсонии придется поделить ночь на три смены. Или, ставить магические капканы, а это, как я понимаю, не желательно.

– Вот за это как раз не волнуйтесь, – усмехнулся я. – Мы можем спать спокойно. Мой конь – прекрасный сторож, почует беду или какую-то угрозу за полчаса до ее начала. Да я и сам чувствую приближение опасности.

– Вот и славно, – обрадовался маг. – Если честно, мне давненько не приходилось скакать столько времени. Теперь болит все, что может болеть.

– Еще, господин Габриэль – в группе больше двух человек должен быть старший. Безусловно, вы у нас главный, но в дороге мне придется взять руководство экспедиции в свои руки.

– Сделайте одолжение, – отмахнулся маг. – Никогда не был начальником, а теперь уже поздно начинать.

– Благодарю.

Тут явился Бастид. Мокрый, с заплаканными глазами, зато с отмытым котелком. Я придирчиво взял посудину, провел пальцем по стенкам – скрипит.

– Значит, так, юноша, – начал я воспитательную речь. – С этой минуты ты будешь называть Его Светлость – господин Габриэль. Понял?

– Нет, – набычился слуга.

– Бастид, выполняй, – коротко приказал герцог. – Во всем слушайся господина графа, виноват, господина Артакса.

– Слушаюсь, господин... Габриэль, – кивнул парень и с ужасом посмотрел на меня. Кажется, до него только сейчас дошло, что он совершил глупость, попытавшись хамить целому графу!

– Урок номер один, – продолжал я. – Сейчас ты быстро соберешь все то, что раскидал – скорлупу, недоеденные кости, а потом пойдешь и нарвешь крапивы.

– Зачем? – вытаращился на меня лакей.

Мне стоило большого труда сдержаться, чтобы не отвесить Бастиду затрещину, но взяв себя в руки, я любезно пояснил:

– Затем, что после нас здесь будут останавливаться другие люди.

Парень пожал плечами, скривил морду (видимо, хотел сказать – кому надо, пусть убирают!), но пошел выполнять приказ. Может, собирать косточки и скорлупу было излишним (за ночь все это «усвоят» птицы), но порядок начинается с мелочей. Сам ненавижу, если приходится сталкиваться на биваках со следами чьего-то пребывания, потому, стараюсь убирать за собой.

– Господин Артакс, а зачем вам крапива? – поинтересовался маг.

– Не волнуйтесь, не для вашего слуги, – улыбнулся я.

Не мудрствуя лукаво, я взял один из дорожных мешков, захваченных Бастидом и, вытряхнул его содержимое на скатерть. Как я и думал – шесть жаренных кур, груды мятых яиц. Не поленившись, обнюхал каждую тушку.

Придворный маг, поначалу не понявший моих действий, сконфуженно крикнул.

– Я понадеялся на слугу, – вздохнул Габриэль. Посмотрев на парня, тащившего на вытянутых руках охапку крапивы, строго спросил: – Бастид, кто готовил еду в дорогу?

– Наш повар, – ответил слуга. – Я ему сказал, что господин маг собирается в дорогу и ему требуется взять с собой провизию. Вчера он весь вечер жарил, варил яйца. Еще есть замечательный паштет. Если что-то приготовлено плохо – я не виноват!

– Значит, так, – веско сказал я, откладывая в сторону двух кур, уже начинавших пованивать. – Вот эти птички сдохли два раза – первый раз, когда им отвернули головы, а во второй у тебя в мешке. Вот эти, – передал я парню еще две тушки, – ты сейчас обернешь крапивой, дня два они еще «поживут». А эти, – ткнул я пальцем в оставшуюся пару, – нужно съесть завтра. И яйца, кстати, тоже.

– Так повар... – заблеял парень.

– Что повар? Задача повара – еду готовить. А что именно готовить, ты сам ему должен был сказать. Ладно, что у тебя еще прихвачено, кроме кур и яиц? Вытрясай, – потребовал я.

Парень принялся уныло развязывать второй мешок и раскладывать его содержимое на скатерти, уже переставшей быть белоснежной. Вот, теперь можно проводить ревизию наших припасов.

Так, у нас есть зелень, начинающая превращаться в сено. А еще куски твердого сыра, замотанные в холщовую ткань.

– Вот это уже лучше, – одобрил я.

Заметив, что парень выложил не все, отобрал у него мешок, раскрыл и заглянул... М-да... Глиняные горшочки, куда повар сложил паштеты, побывав в седельном мешке, представляли печальное зрелище. Пожалуй, из всего этого, нам пригодится только мешок.

– Идешь к ручью, вытряхнешь – можешь, прямо в воду, рыба от этого месива не сдохнет и постираешь мешок, – приказал я парню.

– Господин Артакс, вы не ругайте парня, – вмешался Габриэль. – Это моя вина. Я сказал мальчишке – мол, возьми с собой еды дня на три. Из головы вылетело, что в этой части герцогства нет постоянных дворов.

Все ясно. Один не додумал, второй не понял, третий не знал. В сущности, моя вина здесь тоже есть. Надо было перед отъездом согласовать и запасы, и все прочее. Но теперь уже смысла нет кого-то винить. Значит, моих запасов крупы, сухарей и сушеного мяса мне одному хватило бы на неделю, а на всех – на два-три дня. На пару дней есть кура и сыр. Ну, неделю мы продержимся, а там, будут уже вполне цивилизованные места, с постоянными дворами, трактирами и всем прочим.

Ночью мне приснился странный сон – я, со своим самым первым десятком, где еще все живы, никто не скурвился, пошли в разведку. И тут, как на грех, откуда-то из пустоты (во сне и не такое бывает!) прилетела стрела и, впилаясь в живот одноногого Жака Оглобли (почему одноногого? в те времена у него были обе ноги!). Оглобля начал громко стонать, а я, в опасении, что он может нас выдать, решил перерезать ему горло.

– По-моги мне, – проскулил Жак, а я, прекрасно помня, что совсем недавно он меня предал (ну да, через двадцать лет!), не смог добить раненого, а попытался

остановить кровь. Неожиданно, Оглобля куда-то пропал, но стоны были слышны.

И тут я проснулся. Оказывается, стонали не во сне, а наяву. Я подкинул хвороста в костер, огляделся. Так и есть! Лакей лежал скрючившись, словно ребенок, во чреве матери, держался за брюхо и громко стонал.

- Что с ним? - поинтересовался проснувшийся маг.

- Объялся, - буркнул я.

Картина ясна без подсказок. Мало того, что парень сожрал почти целую курицу, оставшуюся от ужина мага, так ночью он «приговорил» еще две, предназначенные мною на выброс. Как же, добро пропадет! Вот уж, чисто холуйская черта.

- Может нам его здесь оставить? - предложил я. - Пусть отлежится, а потом назад вернется. Коней только заберем.

- Можно, - поддержал меня маг. Потом Габриэль вдруг подмигнул мне, и спросил: - Вы как считаете, он выздоровеет?

- Надо подумать, - в раздумчивости почесал я подбородок (Не забыть с утра побриться!), потом сообщил: - Кажется, парень не только объелся, но еще и отравился. Я ж говорил, что кура уже сдохла. А на таких тушках появляется трупный яд.

При словах «трупный яд» стоны стали еще громче.

- До утра доживет? - деловито поинтересовался маг.

- И до утра доживет, и до завтрашнего вечера. А вот следующей ночью непременно помрет. Трупный яд - он медленно действует.

- Господин Артакс, можно вас на минутку.

Маг, подхватил меня под локоток и, увлек чуть-чуть в сторону, потом театральным шепотом попросил:

– Вы не могли бы прирезать Бастида?

– Н-ну, господин Габриэль, – принялся я отнекиваться. – Ваш слуга – вам и резать. Ничего сложного – возьмете мой кинжал, чиркните его по горлу, вот и все.

– Может, все-таки вы? Я еще ни разу в жизни не резал никому горло. Ну, сами подумайте – как можно резать горло без должного навыка? Фи... Кровь, грязь. Я же перепачкаюсь, как мясник, а у меня с собой только один комплект одежды.

– Так я вас научу. Надо подойти со спины, задрать парню голову – и, вжик! Кровь будет хлестать в противоположную сторону, и вы совершенно не испачкаетесь.

– А, ладно, – махнул рукой маг. – Учиться никогда не поздно. Пойдемте.

Несчастный Бастид, слушавший наш разговор, был уже почти полумертв от страха.

– Справитесь, господин Габриэль? – спросил я. Вздохнув, сказал: – Если вы уж очень настаиваете, могу и я. Можно вообще ничего не резать, а ткнуть ножом прямо в сердце. Ему даже больно не будет.

– Я хочу, чтобы меня убил мой господин, – вдруг заявил лакей.

Собрав все оставшиеся силы, парень встал на колени и запрокинул назад голову, чтобы было удобнее резать.

– Видите, господин Артакс, какая преданность своему хозяину! – сказал маг, с восхищением в голосе.

Он бы еще слезу пустил, от умиления. Мне стало совсем противно. Этот Бастид из той породы лакеев, что готовы, по приказанию хозяина, жрать его дерьмо. Будет жрать и нахваливать.

– Может, мы его вылечим? – предложил маг. Подумав, вздохнул. – Только у меня ничего нет от расстройства желудка. Есть заклинания от зубной боли, от колото-

резанных ран, от ушибов.

– Сейчас что-нибудь придумаем, – пообещал я.

А что придумать? Знаю, что могут помочь какие-нибудь травы, но какие? Вроде, подходит сенна, корень солодки. Но как они выглядят? Вон, торчит куст черемухи, ее кора слабому кишечнику помогает, но ее лучше в других случаях использовать. Можно попробовать полечить лакея настойкой из ивовой коры. Она, вроде бы, помогает. Конечно, через день-два парень и сам оклемается, если воздержится от еды, будет много пить, но придется терять время.

Я уже собрался пойти к ручью, где росли ивовые кусты, как отвлекся на ржание Гневко. Вот, паразит! Кобыла, хоть и не первой свежести, но гнедой не устоял – начал традиционный ритуал ухаживая, отработанный до мелочей. А «дама», похоже, совсем не против. Что ж, его дело молодое, а утром жеребцу надо овса задать!

О, точно, овес! Он же лучшее средство от отравлений, если, разумеется, больше ничего нет. И что бы я делал без гнедого?

Конечно, жалко переводить зерно на такую дрянь, как лакей, но что поделать. Другого спутника у нас нет, а если мы его не бросили, не прирезали, придется лечить.

Я вскипятил воды, забросил в нее горсть овса (Гневко, прости, потом я стану упрекать себя за эту горсть!), оставил настаиваться. Подумав, нарезал несколько кусочков ивовой коры и кинул туда же. Хуже не будет, зато пропотеет, а там, глядишь, и все прочее выйдет... Но если он еще раз сожрет больше, чем следует, я его сам убью.

Глава пятая

«Задуманная беседа»

Конечно же, на рассвете мы выехать не смогли. Бедный слуга, выпив моего снадобья, бегал в кусты до тех пор, пока я не надрал черемуховой коры, не заварил новый отвар, укрепляющий брюхо. По моим прикидкам, тронуться в путь мы сможем только после полудня, не раньше. Что же, надо использовать время с пользой.

Первым делом, я разобрал мешки с оружием и доспехами Габриэля. М-да... Все было даже хуже, чем я думал. Я-то считал, что это обычные рыцарские доспехи и маг сможет использовать хотя бы кирасу. Увы, доспехи оказались турнирными. Если доедем до Швабсонии, можно отдать кузнецу, выручим талер! Авось, накует из этого металлолома сотню подков, или пару топоров. Но ради одного талера возить их с собой нет смысла. Лучше припрятать под ближайшим кустом, а будем возвращаться назад (Я поймал себя на предательском, «если будем», но отогнал нехорошие мысли.) заберем. А нет, невелика потеря. Светлейший маг человек не бедный.

Похоже, волшебник был изумлен не меньше меня.

– Я думал, у меня здесь кольчуга и шпага, – растерянно сказал Габриэль. – Обычно, шпагу я с собой не ношу, но владею сносно. Как-никак, воевать довелось.

Ни шпаги, ни даже меча (ладно, пусть бы тяжелого двуручника – все лучше, чем ничего) не было. Из оружия имелось только копье – прекрасной работы, прочное. Длинное, словно оглобля и тяжеленное, как бревно. Тупое, правда, но зачем на состязаниях острые копья? На турнире нанести удар в щит противника, съехать с ристалища, передать копье оруженосцу – любо-дорого. А вот в дорогу я бы такое не взял.

Придворный маг растерянно переводил взгляд с меня на слугу и обратно. Высказывать какие-то претензии к лакею – а смысл? Он ответит – мол, передал приказ хозяина оружейнику, а что тот ему выдал, то и взял. И будет прав! Я только вздохнул. Как-то, за всю свою немаленькую жизнь, еще ни разу не видел, чтобы кто-нибудь – хоть простой драбант, хоть воин с золотыми шпорами, передоверял кому-нибудь свое оружие! Даже мой дядюшка, имевший при себе и оруженосцев, и слуг, обязательно перепроверял заточку клинка, не говоря уже о выборе меча. С другой стороны – а что взять с дворцового мага? Свое оружие я ему точно не дам! Может, посох ему вырубить, что ли? Да, а это идея!

- Господин Габриэль, а вы владеете посохом?

- Посохом? - призадумался маг. - Не так хорошо, как хотелось бы, но кое-что умею. Но, понимаете ли, быстро вырастить деревья все равно не получится, а если и получится, они будут очень слабыми. Растениям нужно укрепить корневую систему, зацепиться за грунт. Если хотите, я могу вырастить цветы.

Это он о чем? Какие цветы? Тьфу ты, он же решил, что начитавшись книжек, я всерьез заинтересовался магией.

- Нет, господин Габриэль, - помотал я головой. - Нам не нужно оказывать воздействие на растения. Вопрос такой - сможете ли вы треснуть посохом по башке, если понадобится?

- А, сумею ли я использовать посох, как оружие? Разумеется. Думаю, в юности нас с вами учили одинаково. Мой наставник, например, обучал меня приемам боя с граблями!

С граблями - это что-то новенькое. Приемам боя с граблями меня не учили, да я про них и не знал, а вот то, что крестьянский цеп в умелых руках может «ужалить» не хуже, нежели моргенштерн, а метко брошенная подкова, попав в забрало, вонзает его в лицо рыцаря - это да. Это я не только хорошо знал, но и умел.

Мы отправились с магом вырубать ему посох. Дубов поблизости не нашлось, сосну и ель он забраковал (правильно, кстати), зато магу приглянулась рябинка. Я бы на его месте взял черемуху, но рябина - тоже пойдет. Пока Его светлость маг старательно обрубал ветки, заострял конец посоха (при надобности, за копье сойдет!), я попытался вытянуть из него еще хоть что-то.

- Господин Габриэль, а почему ваш выбор пал именно на Бастида?

Габриэль отвлекся от работы, хмыкнул:

- А вот я сам сейчас гадаю - почему? Обычно, меня сопровождает мой старый слуга - Солий, но он как-то некстати заболел. А кто-то посоветовал взять Бастида - мол, парень толковый, в дороге такой и нужен. Я подумал - какая

разница?

– А он у вас давно служит?

– Не очень, – помотал головой маг. – Месяца два, или три. Если честно, я даже и не знаю. Набором слуг заведует мой дворецкий. Но он всегда берет людей с хорошими рекомендациями, или, напротив – из дальних деревень, не служивших еще никому. А Бастид... Кажется, он у кого-то служил, рекомендации неплохие.

– Ясно, – кивнул я.

– Я понял, что он вам чем-то не нравится. Ну, не догадался взять ни крупы, ни сухарей. Бывает. И по оружию с доспехами – какие к нему претензии? Претензии только ко мне самому. Зато – он очень верный и услужливый. Из таких, как он, получаются хорошие слуги. А опыт и навыки придут со временем. Да, что-то он там опять кричит. Пойду, посмотрю.

Наверное, у меня паранойя. Теперь кажется, что Бастид нарочно завопил, чтобы помешать нам поговорить. Ну, не верю я в «услужливого дурака», хоть ты тресни! Что же такое со мной? Старческий маразм? Недоверие ко всем и вся? Или, мне не дает покоя случайно перехваченный взгляд Бастида, кинутый им в сторону мага? Это был не взгляд дурака-лакея, скорее, прищур опытного лучника, выбирающего цель. Но ведь мне могло и показаться?

А я еще хотел порасспросить мага о его внучатом племяннике, или, кем ему придется наследник престола? О его привычках, о друзьях, о книгах. Понимаю, что все дела, поступки и даже мечтания мальчишки уже разобраны и проверены, все его друзья-близкие опрошены и допрошены, все книги, что он читал, прочитаны или хотя бы перелистаны. Но все-таки, должна быть какая-то мелочь, выпущенная из внимания. Не факт, что на нее наткнулся бы именно я, но почему бы и нет? Да, глянул бы «свежим» глазом и обнаружил причины – дескать, мальчик решил податься в лес, стать отшельником. Теперь дело за малым – обыскать окрестные леса, и пустить по следу легавых собак.

В конечном итоге, мы выехали чуть-чуть до полудня. Не самое лучшее время для дороги, но придется терпеть. С магом опять-таки поговорить не удалось – Габриэль был опять каким-то сонным и квелым, на вопросы отвечал односложно,

а то и вообще мычал. Ну, хорошо хоть с седла не свалился.

Вечером, выбрав место для бивака и, отпустив коней, я пошел за хворостом. Притащив охапку, кивнул Бастиду – мол, разведи костер. Отправившись за новой партией, невольно повернул голову – и, обомлел. Сидевший у костра лакей вскинул левую руку и, сухие ветки вспыхнули.

Вот так так... Стараясь сохранять спокойствие, чтобы не выдать себя раньше времени, я набрал новую охапку и, делая недовольный вид, потащил ее к костру. Высыпал рядом.

– В следующий раз ты пойдешь за хворостом, – сказал я парню, возившемуся около мага. Вроде бы, лакей снимал с него сапоги.

– Да сходит он, сходит, – с раздражением в голосе сказал маг. Подняв голову, Габриэль сказал: – Могли бы ему сразу сказать, что нужен хворост, а не делать недовольный вид.

Бастид же ничего не сказал, а только скользнул по мне взглядом, в котором, как мне показалось, было легкое самодовольство – вот, начинаются ссоры, а потом вернулся к прерванному занятию. Сняв сапоги с хозяина, начал разминать тому стопы, растирать пятки.

Придворный маг постанывал от удовольствия, а я, тихонько зайдя со спины слуги, вытащил из ножен кинжал и, ухватив его за кончик, приложил рукоятку к голове Бастида.

– Артакс, что вы делаете?

Придворный маг вскочил и, если бы он был обут, наверняка кинулся бы спасать своего любимца. Глядишь, еще и посох бы схватил. Я, между тем, содрал с лакея его же собственный пояс, связал ему обе руки за спиной, а потом и ноги, благо, веревочка была прихвачена заранее.

– Господин Артакс, – взял себя в руки маг. – Может, вы вся таки объяснитесь?

– Сейчас, – кивнул я. – А еще рот ему не стоит пока заткнуть?

– Артакс?!

Я просто приложил указательный палец к губам и, к моему удивлению, придворный маг перестал орать.

– Ложитесь, – прошептал я Габриэлю почти в ухо. Потом добавил слово, которое сам не любил произносить, но которое очень любил слышать от других: – Ну, пожалуйста... Ваш слуга – маг. Я видел, как он зажег костер без огнива. Если я ошибся – встану перед ним на колени, и буду вымаливать прощение. Если ж нет...Пусть он думает, что вы тоже связаны.

Маг, онемев от удивления (за два дня он успел убедиться, что я не страдаю от лишней вежливости), улегся на живот, а потом также покорно позволил обмотать себе руки. Кроме того, он был придворным магом, стало быть, сентиментальностью не страдал.

– Если вы ошиблись, я превращу вас в корову. То есть, вы останетесь человеком, но будет мне послушны!

– Хорошо, – вздохнул я.

– Вы его не убили, надеюсь? – поинтересовался маг, пошевелив кистями. Убедившись, что путы можно легко скинуть, кивнул.

– Опыт! – хмыкнул я, не вдаваясь в подробности.

– Юноша, – услышал я женский голос.

Я обернулся. Это была монахиня, чей возраст и внешность было не угадать под мешковатым хитоном и куколем. Сестры из монастыря святой Иринии выполняли свой обет послушания – оказывали помощь раненым в госпиталях доброго короля Руди. Сюда я попал после неудачной разведки, получив одну стрелу в бок, а вторую в ногу. Бок, к счастью, был только оцарапан, да и нога пострадала не сильно – мякоть. Лекарь меня осмотрел, махнул рукой – мол, пустяки, и передал сестрам, а уж те вытаскивали стрелы. Думаю, оно и к лучшему. Монахини, по крайней мере, старались обращаться с моим мясом более

аккуратно. Да и швы накладывали, не в пример изящнее. Пролежав неделю в бараке, заполненном стонами, кровью и нечистотами, неделю, я решил, что пора бы и выздоравливать, тем более, что раны невероятно зудели и чесались. Говорят – это верный признак выздоровления. Тем более, что все лечение сводилось к тому, что «Optimum medicamentum quies est»[5 - Покой – лучшее лекарство (лат.)]. После перевязки я собирался вернуться в полк, а пока ждал своей очереди.

– Да матушка?

– Смирная сестра Джулия, – поправила меня монахиня.

– Простите.

– Юноша, я слышала, что вас называют студентом? Вы не медикус?

Прозвище «Студент» я получил в лагере для новобранцев, после того, как выловил злополучный талер из пивной кружки. Ну, не говорить же было, кто я такой? А сказать, что бакалавр, язык не повернулся. Степень-то мне присвоили, но я даже тему диссертации не помню.

– Увы, сестра, я учился на правоведа.

– Но все равно, вы ученый человек. Вы не хотели бы помочь нашему хирургу?

От такой просьбы я пришел в легкое замешательство. Откровенно говоря, не хотелось бы. То, что я мельком увидел, пока сестры вытаскивали из моей икры засевшее древко, повергло меня в такой ужас, какого я не испытывал и на поле битвы... Я бы с удовольствием отказался, но от просьб сестер – иринеек отказываться не принято.

Видимо, сестра Джулия все поняла правильно.

– Это ненадолго. Помощник хирурга отлучился по личной надобности, вернется завтра. А на сегодня есть несколько больных, которым нужно срочно ампутировать конечности. Увы, мы всего лишь слабые женщины...

В палатке, предназначенной для проведения операций, стоял стол, на котором лежал раненый солдат. Сестра-монахиня была занята тем, что срезала с бедолаги остатки того, что было штанами. Похоже, парню здорово не повезло – обе его ноги превращены в кровавое месиво, из которого торчали кости.

Хирург – длинный дядька с худым лицом, не имеющий половины волос на голове (вторая половина была рыжая), в фартуке, покрытом бурым налетом, встретил меня достаточно благодушно.

– Новобранец? – поинтересовался он, а я, хотя и отслужил уже почти год, не стал отнекиваться, а только сказал:

– Почти.

– Почти новобранец, это хорошо. Значит, силенка уже есть, но сам не окончательно оскотинился. Значит, берешь вот это, – подал мне хирург здоровенный деревянный молоток, – и бьешь вот сюда вот.

Лекарь показал мне точку, чуть ниже затылка, и выше основания черепа.

– Уйдешь вверх, только по черепушке скользнет, еще раз придется лупить, вниз – парню конец! И бить надо так, чтобы он лежал в отключке десять минут. Очнется раньше – помрет от боли, а позже – либо совсем не очнется, либо спятит. Запоминай движение! Понял? Ну, давай...

Что было дальше, я вспоминать не хочу. Однако, я вытерпел целый день, потом еще половину ночи и, никого не убил. А утром, к счастью, пришел помощник лекаря. Не понял только – почему для этой работы понадобился «ученый» человек, но точку, куда следует бить, запомнил.

Навык, полученный в бытность мою «помощника хирурга», несколько раз мне пригождался. Особенно, если было нужно взять «языка».

– Как ваш слуга начнет очухиваться, можете меня поругать. Исходите из того, что я предал и вас, и вашего верного слугу. Но не увлекайтесь. Чрезмерная брань тоже выглядит подозрительно.

На всякий случай, я отрезал от одного из мешков веревочки, обвил их вокруг пальцев Бастида – кто же этих магов знает?

«Слуга», между тем, начал подавать признаки жизни. Простонал, зашевелился. Я кивнул Габриэлю, и тот начал меня оскорблять.

– Артакс, вам говорили, что вы тупая скотина? – сказал маг, а потом, войдя во вкус, продолжил: – Вы не просто скотина, вы неблагодарная скотина!

– Ну и что? – парировал я. – Лучше быть живой скотиной, чемдохлым магом.

– Как вы собираетесь возвращаться в Силингию, предав меня?

– А кто сказал, что я собираюсь в Силингию? Зачем мне зачуханное герцогство, когда впереди Швабсония? За твою голову, драгоценный маг, мне дадут кучу денег!

Лжеслуга лежал лицом вниз, слушая наш разговор. О чем он думал, какие делал выводы, пока непонятно. Что ж, надо его немножко потревожить.

Я ухватил Бастида подмышки, перетащил к дереву и усадил, прислонив к стволу. Сам же, нарочито спокойно, поставил на костер котелок с водой и, начал копаться в своем мешке, вытаскивая оттуда всякие мелочи – помазок, кусочек мыла и чашечку для взбивания пены. Пока вода грелась, принялся затачивать кинжал – потрогал пальцем кромку, похмыкал, начал править.

Нарочито медленно принялся взбивать пену, намыливать щеки, а потом, глядя в поверхность воды, принялся бриться (могу и на ощупь, но так лучше).

Я брился, с удовольствием убирая щетину, не обращая внимания на связанных магов, а мои пленники (ладно, один был настоящим пленником, а второй изображал такова) изнывали от любопытства. Никто не задумывался, что обыденное занятие может сработать гораздо лучше пытки? Еще чуть-чуть, они сами расскажут мне, безо всякого воздействия.

– Артакс, вы кому служите? – поинтересовался маг.

– А тебе-то, какая разница? – буркнул я, отвлекаясь от своего занятия. – И вообще, не мешай. Я из-за тебя чуть не порезался!

– А все же?

– А служу я тому, кто больше платит.

– Сколько вам заплатили за мою голову? – не унимался маг.

Кажется, господин Габриэль уже и сам начал увлекаться процессом переговоров. Ну, это хорошо.

– Не так много, как хотелось бы, но достаточно, чтобы вас продать, – радостно заржал я, стараясь, чтобы выглядело естественно.

– Я готов дать вам сумму, вдвое превышающую вашу плату, – твердо заявил маг.

Я, к тому времени, уже закончил бриться, а теперь споласкивал лицо. Закончив, достал полотенце (Кэйт, спасибо!) и начал вытираться.

– Заманчиво, – хмыкнул я. – Ради этой суммы можно нарушить и кодекс наемника. Но, видите ли, господин маг (тут я опять перешел на вы, стараясь, чтобы это звучало издевательски) в чем дело. Во-первых, нет гарантии, что вы мне заплатите. Во-вторых, где гарантия, что когда я вас освобожу, вы не начнете метать в меня молнии, или не превратите в козла? Слышал, от одного умного человека, что хороший маг – это мертвый маг!

– Артакс, я могу дать вам клятву на крови. Клятву в том, что вы останетесь живы-здоровы, на свободе. И что вы получите свои деньги.

– Маг, не смей меня. В каждой клятве есть оговорки. Ну, ты скажешь – я не трону, не причиню зла Артаксу – и что? Ты не тронешь, так твой племяшка меня вздернет на первом же суку. К тому же – не вижу у тебя мешка с деньгами.

– Я напишу расписку.

– Маг, это даже не смешно. Расписку ты можешь написать Мантизу, или кому-то другому.

– Вы мне не верите? – оскорбился маг.

– Конечно верю, – примирительно сказал я. – Верю, что вы готовы отвалить мне целую кучу денег, поможете бежать из страны, да еще и ручкой помашете. Верю. Когда тебе глотку режут, ты еще и не такое можешь пообещать, да и сам в это же поверишь. Вон, твой болван, – пренебрежительно кивнул я на Бастида, – он тоже умирать не хочет. Сейчас скажет, что у его тетушки в деревне есть знакомый колдун, а если я его оставлю в живых, так он этого колдуна попросит мне молодость вернуть.

Лакей, сидевший до этого с непроницаемым лицом и, хранивший молчание, вдруг подал голос:

– Молодость тебе ни один колдун не вернет, а вот здоровья и силы добавить – это я могу сделать.

– Вот видите, господин маг! – радостно вскинулся я. – Что я вам говорил? Вы мне золотые горы сулите, а ваш холуй – здоровье и силы! А ведь еще и сам в это верит.

– Артакс, теперь можно заканчивать представление, – заявил вдруг Габриэль. – Я уже все понял.

Придворный маг стряхнул с запястий «путы», встал и, как был, без сапог, подошел к «слуге». Склонился к Бастиду, потрогал того за плечи, ощупал руки (только что в зубы не заглянул!), покачал головой.

– Господин Артакс, приношу вам свои извинения, – сказал Габриэль, прижав руку к сердцу. – Вы были правы. Этот человек – маг. Причем, очень сильный маг.

Глава шестая

Ошибки магов

– Господин Артакс, вы не могли бы нас оставить? – вежливо попросил Габриэль. – У нас с господином – не знаю, как его зовут, состоится деловой разговор. Такой разговор посторонним людям лучше не слушать.

Ну, это вежливо прозвучало, что стало понятно – лучше убраться подальше.

Осмотрев наш бивак, маг добавил:

– И вещи лучше забрать, чтобы не пострадали.

– Лошадей уводить? – поинтересовался я, спешно запихивая в мешки все наше барахло, но маг уже меня не слышал, вперившись взглядом в своего соперника. Любопытно, как это придворный маг герцогства не сумел «вычислить» своего коллегу? Хм. Впрочем, сам расскажет. А коней лучше увести, от греха подальше.

Когда между нами и магами осталась миля, я решил, что достаточно. Скинув мешки, отпустил коней, но расседлывать их пока не стал. Обнаружил, что прихватил не только свое барахло и вещи Габриэля, но и мешок Бастида. Любопытственно было бы заглянуть в него, но не стал.

Я тихонечко сидел, внушая себе, что я существо нелюбопытное, что любопытство – это вообще нехорошая черта, а я человек твердых убеждений, но получалось плохо. Подспудно ждал с той стороны, где оставил магов, молний, ударяющих в землю, небольшого смерча, маленького урагана. И, что характерно, стих ветер и птицы перестали петь.

Подбежал Гневко.

– И-го? – стриганул ушами гнедой, поворачивая бок. Мол, заскакивай.

– И что, так вот, на все плюнуть и удрать?

– Го! – кивнул жеребец.

– Нет, нельзя, – вздохнул я.

Гневко посмотрел на меня, осуждающе помотал головой – мол, я тебя предупредил, но далеко отходить не стал. А вдруг да понадобится удирать?

Иногда так бывает, что черная грозовая туча, занявшая половину неба, вдруг рассеивается, уступив место ярким лучам солнца. Вот и сейчас – ждали, мы ждали, но подул освежающий ветерок, снова защебетали птицы, а мой гнедой, недоуменно повернул голову к месту недавней угрозы, постриг ушами и убежал к своей засекающейся кобылке.

От нечего делать я решил поспать. Что снилось – не запомнил, но проснулся от ржания лошадей. Вскочил и увидел бредущего мага Габриэля.

Придворный маг шел, еле-еле переставляя ноги и, что-то держал в руке. Я побежал навстречу, а когда приблизился, невольно остановился, рассмотрев ношу – господин Габриэль держал за волосы голову Бастида. Вся одежда придворного волшебника была перемазана кровью, словно у неумелого мясника.

– Господин Артакс, помогите мне ее похоронить, – протянул маг мне голову.

– Однако! – только и сказал я, принимая ношу.

За двадцать лет, с хвостиком, я почти привык к мертвым телам (на самом-то деле к этому нельзя привыкнуть, можно лишь научиться делать вид, что привык!), да и отрубленных голов насмотрелся. Но эта голова была не отрублена, не отрезана, (и не отпилена!), а словно бы оторвана от туловища – рваные края, обломанный кусок позвоночника. Авторитет придворного мага в моих глазах сразу же вырос. И я даже слегка пожалел, что вообще с ним связался. Еще дал себе задание разговаривать с Габриэлем более уважительно. Черт его знает, этих магов!

– Копать глубоко? – спросил я с грустью, прикинув, что лопаты у нас нет, а рыть могилу мечом не очень сподручно.

Габриэль сделал неопределенный жест и рухнул на землю, словно вымотавшийся хлебопашец.

Голова может слегка подождать. Для начала, я отпоил волшебника водой. Он едва шевелил губами, половина фляги пролилась, но все-таки, ему стало лучше.

- Вина нет? - спросил господин Габриэль.

Я только пожал плечами. Может, что-то осталось в мешке Бастида? Но там пусть маг сам смотрит. По мне, вино еще никому не помогало, а то, что его следует пить при душевных беспорядках - миф. Только пьяного мага мне тут не хватало! Если он трезвый живым людям головы отрывает, что станет делать, по пьянке?

- Ну, нет, так нет, - вздохнул Габриэль.

Уже лучше. Не настаивает, и хорошо.

Решив, что для одной головы три ярда - это чересчур, выкопал ямку на глубину лезвия. Маг, слегка оклемавшийся, кивнул и, собственноручно засыпал землей голову несчастного коллеги. Я собирался помолиться над останками несчастного, но не стал, а только мысленно попросил у Господа прощения и за себя, и за несчастного парня, и за Габриэля. Насколько у меня получилось искренне, я не знаю, но Он сам разберется и поймет.

- В седле усидите, господин Габриэль? - поинтересовался я, хотя знал ответ заранее. В седле он усидит, если его положить поперек. Что ж, мне торопиться некуда, да и с мальчишкой ничего не случится.

Маг спал весь остаток дня и всю ночь. Но утром, едва солнышко зашевелилось на небе, он уже яростно доедал последнюю курицу. (Мне вчера было лень заниматься готовкой, потому я тоже поучаствовал в уничтожении припасов.) Все-таки, великая вещь народная мудрость, научившая меня сохранять еду в крапиве. Насытившись, маг смущенно рыгнул, попил кипяченой водички (морду скривил, но отказываться не стал), потом сообщил:

- Сразу скажу, что от Бастида я не узнал ничего интересного.

– Совсем-совсем ничего? – хмыкнул я. Вроде, «беседовали» господа волшебники долго.

– Про мальчика – ничего. А так... – призадумался маг, решая – о чем мне можно рассказать, о чем нет. Думал так долго, что я не выдержал:

– Этот самый Бастид, он и на самом деле маг?

– Не просто маг, а придворный маг короля Ботэна, Себастиан Карра, – вздохнул Габриэль. – В Ботэне, оказывается, уже знают, что пропал наследник престола. А когда узнали, что на поиски ребенка отправлюсь я – впрочем, а кто бы еще мог отправиться? – то маг Себастиан решил лично контролировать поиски. Король Ботэна считает себя властителем Силингии, потому пропажа, а еще лучше – смерть Вилфрида, ему крайне на руку.

– Себастиан – Бастид, – хмыкнул я.

Маг удивленно посмотрел на меня, и тоже хмыкнул:

– Хм, а ведь точно.

– Как я понял, Себастиан-Бастид, наложил на себя какой-то защитный покров?

– Мы его называем «водолазным куполом». Маг может сам наложить на себя заклинание – на две недели, на месяц, а то и на год, чтобы его аура была закрыта. Правда, палка о двух конца – если ты закрыт, то и сам ничего не можешь делать. Имею в виду – заниматься магией.

Что такое «водолазный купол», или «колокол» я знал. Если взять бочку, сунуть туда человека, опустить под воду, то можно какое-то время дышать. Да, похоже, но не совсем.

– Насколько я помню, из-под воды идут пузыри, или торчит труба, – заметил я. – Стало быть, какие-то всплески, эманации должны исходить.

– Возможно, – не стал спорить маг. – Видимо, они настолько слабы, что я не сумел почувствовать.

– Стало быть, Себастиан накинул на себя «купол», втерся к вам в доверие? И, каким-то образом сумел вывести из строя вашего слугу, которого вы собирались взять с собой?

– Почти так. Но он действовал тоньше – накидывал «купол», когда я был неподалеку, а когда меня не было, то снимал. А будучи магом, он легко сумел сделать моего верного Солия больным, внушил остальным слугам, какой он верный и надежный. Разумеется, когда герцог приказал ехать в Урштадт, Себастиану пришлось наложить на себя двухнедельное заклинание. А вчера оно стало подходить к концу. Себастиан это понял, потому и разжег костер файером, а не огнивом. Скорее всего, он обновил бы заклинание, вот и все.

– Или бы убил нас, – предположил я.

– Не исключено, – не стал спорить маг. – Но наша смерть ему бы ничего не дала. Все-таки, мальчик – более важная фигура, чем мы с вами. Вот, если бы мы отыскали Вилфрида, тогда и он стал бы действовать.

Я только пожал плечами. Не убил бы сейчас, убил бы потом, какая разница? Но самое важное маг выяснил – королевство Ботэн к исчезновению наследника престола не причастно! В принципе, это очень неплохо. Во-первых, у нас не будет могущественных противников (ну, по крайней мере, одного из возможных противников), а во-вторых, мальчишка не в Ботэне. (Я, до сих пор, сомневался, что парня понесло в Швабсонию. Думал, он отправится куда поближе.)

– Кстати, господин Артакс, – спросил вдруг маг, – я до сих пор не понял, почему вы заподозрили неладное? Ну, кроме случая с разжиганием огня.

– Ну, скажем так, я не поверил, что существуют такие бестолковые слуги. Выбор коней, оружия, провизии в дорогу – во всем были какие-то недочеты. Не скажу, что это были такие уж серьезные недочеты, скорее – досадные. Вполне мог быть один, второй... Слуга, который хочет стать доверенным слугой придворного мага, сто раз поинтересовался бы у толковых людей – что взять в дорогу, какое оружие предпочитает хозяин и прочее. Он бы еще и с вами посоветовался. Бастид перемудрил с маской «услужливого дурака». Опять-таки, его хамское отношение ко мне. Ну, настоящий слуга спинным мозгом чувствует, от кого можно получить взбучку. А самое главное – как же так вышло, что вам

порекомендовали парня, недавно прибывшего из деревни? Ну, не из деревни, а у кого-то служившего, но еще не зарекомендовавшего себя на новом месте. Ваши слуги должны были сто раз подумать! Стало быть, кто-то сумел им что-то внушить... А еще, господин маг, есть у меня подозрения, что из «водолазного купола» все-таки идут пузыри.

– В каком смысле? – не сразу понял маг. Потом до него дошла моя метафора, и господин Габриэль поскущел: – Да, вы правы. Себастиан более сильный маг, нежели я. Думаю, он и на меня оказывал какое-то воздействие. И, если бы не ваша пронизательность...

– Подозрительность, – поправил я мага.

– Ну, пусть будет подозрительность, – кивнул Габриэль. – Так вот, если бы не ваша подозрительность, дела могли бы ложиться очень плохо. А я, к своему стыду, не сумел себя проконтролировать.

– И перепутали заклинания.

– Как вы догадались? – удивился маг.

– Господин Габриэль, – усмехнулся я. – Вы не похожи на человека, способного оторвать голову. Ну, а коли оторвали, то не переживали бы так.

– Увы. Я разозлился и перепутал два слова в заклинании. Набросил на него петлю повиновения, чтобы распознать обман, но в результате ... Перепутал слова «спуф» и «копф». В общем, вместо вытягивания правды оторвалась голова.

– М-да, – только и сказал я.

В эту минуту мне захотелось быть подальше от мага. Даже больше, чем когда я его увидел с окровавленной головой в руке. Все-таки, одно дело контролируемая жестокость, совсем другое – жестокость, совершенная по ошибке. Беда только, что деваться мне было некуда. Пожалуй, один метательный нож господин маг остановит, а если их будет семь? Впрочем, про метательные ножи лучше пока забыть. Надеюсь, пока я нужен Габриэлю, он путать заклинания не станет.

После завтрака, переодев мага (ну, он сам переоделся, благо, запасная одежда нашлась), осмотрели еще и мешок «Лжебастида». Увы, ничего интересного. Ни тайной карты, с указанием шпионских мест, ни свитков, с увлекательными заклинаниями, только белье, да мыльно-рыльные принадлежности. Из полезного – мешочек перловки (я ее с учебного лагеря терпеть не могу!), да с десятков золотых монет (настоящий слуга столько не заработает за всю жизнь!). Мешок я добавил в наш общий багаж, а золото – в личный. Я сам захватил с собой пятьдесят талеров и две золотые монеты, решив, что главным меценатом должен быть маг. Не удивлюсь, если господин Габриэль забыл прихватить с собой деньги.

Теперь мы напоминали погонщиков скота. Мы впереди, а за нами четыре лошади. Ну, чем не гуртовщики? Но, не бросать же коней?

Вот теперь появилась возможность поговорить с господином магом. А вопросов у меня было много.

– Швабсоние для нас – это не страна, не территория, даже, а другой мир. Предположим, вы допускаете, что под водой может быть собственный мир? Ну, не рыбы там, с раками, а такие же люди, как мы?

– Теоретически, да, – кивнул я.

– Вот, примерно и у нас так. Что-то будет попроще – дышать, скажем, можно, что-то посложнее – попасть трудно. Представим себе, что есть очень-очень длинный коридор, а из него идут двери в разные комнаты. Ну, а еще через эти двери выйти не каждый сумеет. Наш мир, и ваш мир, словно бы ветви одного дерева.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Не путать с аркебузой! Аркебуз, по сути, арбалет, стреляющий свинцовыми шарами (при желании, можно и камнями).

2

Ласт – около 770 кг.

3

Жандармы – рыцари, входившие в свиту короля. Своего рода лейб-гвардия.

4

Более подробно об этом в романе «Хлеб наемника».

5

Покой – лучшее лекарство (лат.)

Купити: https://tellnovel.com/shalashov_evgeniy/dolg-naemnika

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)